

Читайте:

4 Михаил КОНЫШИН: Считаю не годы...	20-21 Дорога в Арктику: Николай ВЕЛИГЖАНИН, Ксения ЖУКОВА
6 Владыка ФЕОФИЛАКТ: «Выше любви нет ничего...»	
8 Княгиня М.К. ТЕНИШЕВА: Впечатления моей жизни	22 Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ: Венец русских моряков
12 История с географией: Переславль: на родине Александра Невского	24 Сергей ОВЧИННИКОВ: Варенье из одуванчиков 26 Виктор ЛИВЦОВ: Волшебство Верхнеочья
16 Илья КОБЛЕНЦ: Лейтенант Колчак 18 Андрей ИВАНОВ: Полярные будни	28-30 У нас в гостях поэты из Каширы: Андрей ТЕРНОВ, Роман КОТОВ, Наталия НИКОЛАЕВА

В современных непростых условиях нам всем надо понимать, что ключ к развитию экономики России сегодня лежит в Арктике, на Дальнем Востоке и в Сибири.

Безусловно, только общими усилиями мы сможем реализовать намеченные планы по опережающему социально-экономическому развитию Арктической зоны. И я подчёркиваю: «Проектам, связанным с Арктикой, необходимо уделять особое внимание!»

Возможности у этих территорий колоссальные. Невольно вспоминаешь Михаила Ломоносова, который сказал, что могущество России прирастать Сибирью будет. А мы теперь добавляем: и Арктикой, и Северами!

Мы развернулись на восток — и экономика северных территорий развернулась. Очень много сделано, но предстоит сделать ещё больше.

И в этой связи очень важно пропагандировать наши совместные усилия по освоению этих территорий, важно знать, особенно молодому поколению, историю освоения Арктики.

Поэтому инициатива Академии изящной словесности «Орлея» и Союза российских писателей по проведению Всероссийского просветительского проекта «Дорога в Арктику» заслуживает пристального внимания. Проект рассчитан на два года, молодёжи предложено участвовать в литературном конкурсе и студенческой конференции по заданной теме.

Завершится «Дорога в Арктику» в 2025 году в Орле (к 150-летию известного полярного исследователя В.А. Русанова) большой культурной программой с участием как победителей конкурса, так и литераторов, учёных, педагогов и полярников.

По итогам этого проекта планируется выпустить буклет с познавательными материалами и сочинениями начинающих литераторов.

От имени нашего Комитета приветствую это начинание и желаю всем его участникам крепкого здоровья, любознательности, патриотического настроения и желания двигаться вперёд на пути новых свершений. Во благо процветания нашей Отчизны!

Николай Михайлович ХАРИТОНОВ
*Председатель Комитета
Государственной Думы
по развитию
Дальнего Востока
и Арктики*

*Подробнее о проекте «Дорога в Арктику»
читайте в №№ 46-47 и в этом номере
на стр. 16-23*

№48' апрель 2024

Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СООЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)
Вышло в свет 135 номеров

12+

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Литературный редактор
Наталия Михайловна ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.04.2024 г. Выход в свет: с 01.04.2024 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)
Заказ №48-НО+ Цена свободная

Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать
присылаемые материалы без объяснения причин

СЧИТАЕМ НЕ ГОДЫ, СЧИТАЕМ ДЕЛА

Заслуженный мелиоратор России, кавалер многих государственных наград Виктор Федотович Копытов отметил очередной, уже 92-й, день своего рождения

ВЫБОР

Имя этого поистине незаурядного человека крупными буквами вписано в историю Орловской области. И не только Орловской. Виктор Федотович оставил заметный след и на малой Родине, в Белоруссии, где родился, учился, начинал свою трудовую жизнь. В Гомельской, Витебской, Могилёвской областях до сих пор помнят его, в ту пору молодого, деятельного инженера-мелиоратора, умного и смелого новатора, который за короткое время стал одним из руководителей крупных производственных структур, специализировавшихся на вопросах мелиорации земель, строительстве мостов, дорог, инженерной инфраструктуры, искусственных прудов и водоёмов. Добрым словом вспоминают Виктора Копытова и на Донбассе, в Макеевке, где он какое-то время успел поработать начальником участка по газификации жилых и производственных объектов.

Но самая объёмная глава его яркой созидательной жизни была написана здесь, на Орловщине, куда он приехал в середине 70-х годов с подачи тогдашнего замминистра мелиорации и водного хозяйства СССР Александра Васильевича Алексанкина, с которым Копытов был хорошо знаком по совместной работе ещё в Белоруссии.

– Из 59 лет моего общего трудового стажа, – рассказывает Виктор Федотович, – почти четыре десятка лет отдано орловскому краю, который стал для меня, безо всякой натяжки, второй родиной.

Здесь, в самом центре России, на сельской целине, по его меткому выражению, он буквально с нуля начинал дело, которому посвятил большую часть своей жизни. В

двух словах это дело можно обозначить так: изменить и приблизить жизнь сельского человека к благам цивилизации.

– Когда я был приглашён на беседу к замминистра Алексанкину, – вспоминает Виктор Федотович, – он попросил меня поучаствовать в новом чрезвычайно масштабном деле. А чтобы отказа не последовало, предупредил, что моя кандидатура уже согласована на самом «верху». И предложил на выбор три адреса: Тюмень, Тулу и Орёл. Речь шла о мелиорации земель в рамках принятой в ту пору программы развития Нечернозёмной зоны СССР.

Руководствуясь чисто прагматичными соображениями – быть поближе к семье, которая оставалась в Белоруссии, – Копытов выбрал Орёл.

– Думал так: область маленькая, работы будет поменьше, да и от родительского дома не так далеко. Всё больше возможностей лишний раз приехать к ним на денёк-другой.

БУДНИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Так определилась вся дальнейшая судьба и профессиональная карьера Виктора Федотовича Копытова. Он стал во главе Орловского отделения «Главчернозёмводстроя». Но за большим и громким названием реального было немного, а основной актив главка – объединение «Орёлмелиорация» числилось разве что на бумаге. Не было ничего: ни кадров, ни техники, ни каких-либо внятных планов.

– Но сидеть сложа руки не будешь, да и не в моих это правилах, – вспоминает ветеран. – Надо с чего-то начинать. А начинал с друзей, использовал старые связи: «выписал» из Белоруссии экскаваторщиков, руководителей участков,

других специалистов. И стали работать, поначалу брали небольшие объекты, где-то пруд выкопать, мост подлатать, скважину для деревни пробурить, дорогу отремонтировать. Постепенно обрастали производственным жирком, собирали коллектив.

Так шаг за шагом двигались вперёд, набираясь опыта, раздвигая границы своей деятельности. К середине 1980-х годов в структуре объединения «Орёлмелиорация» уже работали десятки механизированных участков, колонн, ПМК, автобаза на 150 машин, управление комплектации, отдел рабочего снабжения, учебный комбинат, а общая численность коллектива насчитывала без малого 2700 человек. Объём работ, который ежегодно выполнял коллектив, был не просто солидным, а очень весомым, на многие миллионы рублей.

С карандашом в руках Виктор Федотович не без гордости перечисляет те достижения, которые стали возможными за годы его руководства объединением «Орёлмелиорация». Они и впрямь впечатляют. Всего было улучшено не менее 200 тысяч га сельскохозяйственных угодий, то есть плодородной сельскохозяйственной земли, которая теперь даёт полноценные урожаи. В сельской местности в разных районах области пробурено более 1,5 тыс. артезианских скважин, проложено 100 км дорог с твёрдым покрытием, построено 150 прудов и водохранилищ, в ряде случаев с пролётными железнодорожными мостами; более 170 км газовых сетей. Сдано почти 2 тысяч квартир для мелиораторов, в Орле, на ул. Циолковского, возведено 9-ти этажное общежитие для работников объединения. И, кроме того, именно при нём был построен в пригороде Орла посёлок Зареченский.

Не каждый руководитель может гордиться такими результатами. И самое важное во всём этом, как считает Виктор Федотович, было то, что работали для людей, для сельских жителей, чтобы их жизнь, их быт стали лучше, чтобы сельский человек чувствовал внимание и заботу государства.

Конечно, мы не варились сами по себе, верстали и согласовывали свои планы с министерством и руководством области, замечает Копытов. Особую поддержку на протяжении многих лет коллективу оказывал Егор Семёнович Строев, сначала как секретарь обкома партии по сельскому хозяйству, а потом как руководитель области.

– Уже когда не стало Советского Союза и программа мелиорации земель почему-то оказалась ненужной, – продолжает Виктор Федотович. – Только благодаря поддержке и мудрости Егора Семёновича и его команды мелиораторам Орловщины удалось ещё целых 20 лет оставаться на плаву, заниматься нужным и важным делом, приносить пользу людям и Орловскому краю. Помогали и тесно взаимодействовали с нами и многие районы, их руководители, в числе которых были Тамара Григорьевна Котикова, Александр Иванович Воропаев, Тамара Николаевна Коновалова, Евгений Фёдорович Злобин и целый ряд других. Без их деятельного участия мы едва ли сумели бы сделать столько, сколько успели.

И только в 2011 году объединение «Орёлмелиорация» перестало существовать, а его бессменный руко-

водитель, один из самых известных и опытных мелиораторов страны Виктор Федотович Копытов ушёл на заслуженных отдых.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

В уютной и тёплой квартире, за кружкой чая уважаемый и заслуженный человек, не торопясь, ведёт рассказ о своей вовсе не лёгкой, но яркой, наполненной разными событиями жизни. Вспоминает, как летом 1941 года в его родную деревню Красулино, что в Могилёвской области, пришли немецкие варвары. Виктору в ту пору исполнилось девять лет. Отец был на фронте, а мать, понимая, что пощады от врагов не будет, с детьми ушла к партизанам. Жили в землянках, помогали бойцам отряда, чем могли. Виктор ходил в разведку, в основном, чтобы отслеживать движение немецкого транспорта по железной дороге и шоссе на Кричев и Оршу.

В 1944 году, когда началась операция «Багратион», немцы, зачищая тылы, решили расправиться с партизанами. Партизанский лагерь был окружён, его обстреливали из миномётов, бомбили с воздуха. Так продолжалось несколько дней.

Однажды Виктор решил сходить за водой с деревянным ведром. Воду хранили в бочке, наполняя её водой из источника по ночам. Только собрался зачерпнуть, услышал шипящий звук.

– Мы тогда, даже мальчишки, знали, – рассказывает он, – если снаряд летит далеко, он гудит, а если совсем уже близко – издаёт характерный шуршащий звук. Я тут же бросил ведро и кинулся в bunker. Но отбежал на два, может на три только метра и упал на землю. Дальше взрыв за спиной. Осколки надо мной просвистели. В бочке потом насчитали больше 30 дырок, 13 пробоин было в ведре...

Война, конечно, оставила многое в памяти. Но помнится и мирная послевоенная жизнь. Как восстанавливали сёла и города, учились, мечтали о будущем.

Виктор всегда увлекался спортом: и в школе, и в институте, и после, когда уже работал и возглавлял различные производственные коллективы. Был многократным чемпионом по тяжёлой атлетике в среднем весе среди сельских спортсменов в Могилёвской, Витебской и Донецкой областях, дважды чемпионом Белоруссии среди студентов в этом виде спорта, участвовал во Всесоюзных спортивных соревнованиях, получил звание кандидата в мастера спорта.

И сегодня, в свои 92 года, прославленный мелиоратор и просто замечательный душевный человек не сидит без дела. Принимает участие во многих ветеранских мероприятиях, поддерживает своих друзей и коллег неиссякаемым оптимизмом, добрым словом и шуткой. Бывает в школах, где рассказывает молодому поколению о войне, о подвигах представителей старшего поколения. Из личной библиотеки передал республикам Донбасса не менее тысячи книг и журналов.

– Считаю, что жизнь моя удалась, – говорит он. – Я доволен, что так сложилась судьба, что многое из того, о чём когда-то мечтал, исполнено, сделано. И дальше буду стараться приносить людям, нашему обществу посильную пользу. По-другому я жить не умею.

Михаил КОНЬШИН

С Владыкой Феофилактом, тогда ещё епископом Брянским и Севским, я познакомился в 2007 году с лёгкой руки заместителя губернатора Брянской области Е.Д. Кузавлёва. Евгений Дмитриевич увлечённо рассказывал о том, как на своей малой родине возрождал порушенные и заброшенные памятники истории и культуры, как строил часовни и «оживил» знаменитый Громовой колодец. И неожиданно предложил съездить в гости к Владыке Феофилакту, с которым у него установились добрые духовные контакты. Так мы познакомились. После первой короткой беседы последовала вторая, а потом и третья встреча. Руководитель Брянской епархии оказался очень приятным собеседником. А главное – убеждённым гуманистом и патриотом земли русской. Искренне верующим в выздоровление России.

«Выше любви нет ничего на этой земле»

– Владыка, как долго был Ваш путь к чину епископа?

– Сначала я получил образование в историко-архивном институте, а потом окончил Московскую Духовную Академию, где некоторое время преподавал.

30 лет нёс церковное послушание в Троице-Сергиевой Лавре и Московской Духовной Академии. Затем длительное время исполнял послушание настоятеля Черниговского скита Троице-Сергиевой Лавры, где мне довелось вместе с моими братьями и верующими русскими людьми по существу из руин восстанавливать эту замечательную, хорошо известную в истории России обитель. Откуда четыре с половиной года назад и был призван на эту древнюю русскую православную Брянскую кафедру.

Одним из значительных явлений нашей епархии является ближайшее строительство Брянского кафедрального собора. Так произошло, что в Центре России Брянск едва ли не единственный город, не имеющий своего кафедрального собора. Он был варварски разрушен в 1968 году. Напомню, что в то время уже не было гонений на Церковь, как в предыдущие годы советской власти. Но здесь сложилась особая атмосфера ненависти к православию и к своей родной культуре. Поэтому разрушили не только кафедральный собор, но и Поликарповский монастырь, другие церковные строения.

– Но, насколько я знаю, есть и среди чиновников люди, которые сами осознали свои идеологические заблуждения в виде атеизма и пришли к православию, к своим духовным корням...

– Совершенно справедливо. Все люди обладают внутренним миром, то есть сохраняют в себе некую частицу Божества. И от человека зависит: остаться существом Богоподобным или перейти на сторону сатанизма. Потому что, как говорили римляне, «тэрциум нон датур» – третьего не дано. И мы с благодарностью свидетельствуем, что достаточное количество бывших коммунистов или людей, причастных к коммунистической идеологии, добросовестно оставили это заблуждение. Но есть и те, кто по-прежнему пребывают в цепях этой порочной и глубоко вредной для души человека идеологии.

Ну что говорить, атеизм был основным идеологическим постулатом большевистского мировоззрения. Но как можно при таком, мягко говоря, «мировоззрении», что-то созидать на этой земле?! Все разрушения, которые мы до сих пор наблюдаем во всех областях жизни, это не что

иное, как плод крайне губительной для России идеологии. Идеологии безверия, безбожия и оголтелого коммунизма. От этого надо отходить.

Вся современная жизнь как в мире, так и в России свидетельствует о том, что жалок тот человек, который всё ещё не осознал, что история России необратима. Что Россия давно ушла вперёд. И искренне возвратившись к своим исконным корням, обретая новое дыхание, спокойно, красиво и духоносно, по нашему глубокому убеждению, она движется вперёд. И в этом наше общее достоинство.

К сожалению, определённая часть людей, завладевающая умонастроениями сограждан через средства массовой информации и другие сферы жизни, не осознала своё заблуждение. Дай Бог им как можно быстрее прийти в себя.

Пора уже прекратить сражаться с нашей культурой, с нашей родной православной верой, с нашими святынями, и с нашей, хотя и печальной временами, но исключительно насыщенной событиями и красивой историей России.

Нам надо вместе объединиться и созидать. Мы устали от разрушений. Ещё одного подобного нашествия безбожия Россия просто не выдержит.

– Побывав во многих странах, я пришёл к выводу, что наша православная религия по сравнению с другими более спокойная, ненавязчивая и уж тем более не агрессивная. Православие как культура, я бы сказал, очень мягко пропагандирует свои ценности. Что же касается архитектуры наших городов, то взгляд зачастую не останавливается на современных домах или индустриальном пейзаже, а сразу цепляется за купола церквей... Родная старина буквально завораживает, от неё исходит положительная энергетика. Этому есть объяснение?

– По нашему убеждению, православие – это вера, которая хранит в себе, в недрах своих благодать Духа Святого. Дух Святой не может быть насильным, агрессивным или порочным. Дух Божий – мирен, спокоен, любвеобилен. Именно это содержание и впитали в себя наши православные храмы и монастыри. И поэтому не только православный человек, но и инославный, входя под своды православного храма или обители, ощущает миролюбие в своём сердце. По природе своей человек Богоподобен. И это вполне естественно, потому что человек – это образ и подобие Божие. И когда он соприкасается с тем, что именуется благодатью Духа Святого, то мы это называем «подобное стремится к подобному».

Епископ Феофилакт (в миру Николай Алексеевич Моисеев). Годы жизни: 30 апреля 1949, Неёлово, Сафоновский район, Смоленская область — 22 марта 2023, Сергиев Посад, Московская область) — архиерей Русской православной церкви, бывший епископ Мытищинский (2021), викарий патриарха Московского и всея Руси (2011—2021). Светлая память!

И здесь происходит созвучие, слияние истинного устроения и внутреннего мира человека с тем бесконечным и нетленным бытием, которое всегда присутствует в православном храме. Вот почему человек испытывает миролюбие, тишину, спокойствие, любовь к ближним, даже к врагам своим. В этом и есть сущность православия. Излучение благодати Духа Святого, хранение и приобретение этой благодати происходит в течение всей жизни. Это касается и человека, который выходит за пределы храма. Если это глубоко верующий православный человек, то он, конечно, несёт в себе благодать Духа святого, щедро делится ею с окружающими. И поэтому человек мирный, спокойный, уравновешенный, с явными признаками любви к другим людям всегда мудро и красиво организует обиталище своё. И всё, что его окружает. И к этому человеку устремляются люди. У него ищут совета, к нему обращаются по любым вопросам. И получают совершенно точный и определённый ответ, потому что он всегда приправлен благодатью Духа Святого.

В этом отличительная особенность православия от всех вероисповеданий, как более-менее близких к истинной вере, так и значительно удалившихся от неё.

Замечу также, что я всё чаще встречаю людей иного вероисповедания, которые добровольно переходят в православную веру. И это лишний раз подтверждает Ваши слова о миролюбии Русской Церкви.

– Владыка, а какие заповеди Божии Вы считаете главными, основополагающими?

– В Евангельском повествовании есть свидетельства о том, что Вера, Надежда и Любовь – основные добродетели христианства. Но Любовь среди них выше. И поэтому Любовь, пожалуй, определяет всё бытие мира. Ею движется весь существующий мир. Там где её нет, там разорение, распри, войны и ненависть. Там, где есть Любовь, там присутствуют миролюбие, благодущие и, конечно, доброе устроение. Таким образом, выше Любви нет ничего на этой земле. И по Любви своей Господь наш Иисус Христос распят за всё человечество. И в этом глубокий знак всем нам. Не будем иметь Любви, никогда не будем иметь благополучия ни в этой, ни в будущей жизни. Дай Бог, чтобы все прониклись этим понятием.

– Терпение, терпимость, жалость в нашем обществе зачастую связывают с Любовью...

– Это производное от Любви. Это разновидность христианской добродетели.

Ведь мало сказать: «Будь терпелив», надо научиться терпению. А для этого ненависти и вражде противопоставить миролюбие. Жёсткости противопоставить добродушное настроение. И всякому злу противопоставлять добро.

Но только Вера по преимуществу может принести подобные плоды. А здесь нужна также Искренность. Потому что битва за душу – это война очень серьёзная.

– А сколько, на Ваш взгляд, времени потребуется, чтобы хотя бы вернуться к тому периоду всеобщей одухотворённости, который просуществовал до начала прошлого века, а затем, в связи с известными событиями, был разрушен до основания?

– Я могу сослаться на Евангельское повествование, где сказано: «Богу всё возможно, человеку — труднее». Это за-

Владыка Феофилакт, Евгений Кузавлёв, Геннадий Майоров

висит от нас всех, от соборности, от нашего отношения к вере православной. Бог в мгновение ока может всё, в том числе и воскресить всю Православную Россию. Весь вопрос в нас самих. Если мы будем единомышленны, единоверны и единомышленны, то в считанные дни или годы увидим нашу Православную Россию в блеске сияния и величия. Но если мы будем инертными, то этот период продлится много дольше. От нас зависит, приблизить это время или удалить его.

При всех сложностях могу заметить: нас радует нынешнее поколение, которое приходит совершенно осознанно к Богу, к Вере. Уже заметны новые ростки созидания на основах и принципах православного вероисповедования, меняющие как жизнь каждого такого молодого человека, так и жизнь окружающего мира. Чем больше людей придёт к Вере, тем счастливее будет каждый человек, живущий в России.

Преподобный Серафим Саровский предлагал стяжать благодать Духа Святого. Так вот, надо искать родство с благодатью Духа Святого, которым всё человечество живёт, действует и существует.

– И всё же Ваш прогноз – как скоро это осуществится?

– Великий русский полководец А.В. Суворов говорил: «Мы берём не числом, а умением». Один святой подвижник благочестия может войну преложить на мир. А если подвижников будет десять, то во всём мире наступит мир. На сегодня нет победы атеизма, он отступил. Но есть решительное поступательное движение к Богу, к доброй нравственной жизни. Рождаются новое поколение. И мы на него возлагаем большие надежды, вкладывая труды в воспитание молодых, в этот мир входящих. Да, можно сказать, что вопреки всеобщему безобразию, которое ныне так широко пропагандируется в мире, быть может, благодаря духовной генетике (потому что отцы, деды и прадеды наши крепко молились, чтобы Земля Русская стояла и чтобы на ней жили добропорядочные православные верующие люди) мы и выстояли. От этого зависит и наше будущее благополучие. Вот почему мы искренне верим, что ростки этой духовной генетики всё равно дадут свои плоды. Надеюсь, что в обозримом будущем.

Геннадий МАЙОРОВ

95 лет назад ушла из жизни замечательная женщина, чья имя тесно связано с Орловщиной. Мы продолжаем публикацию отрывков из рукописи-воспоминаний княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, удивительным образом дошедших до наших дней. Эту историю надо знать...

Певческий дебют. 1887, 26 апреля. Париж. 1880-е годы
Источник: Смоленский вестник

Княгиня М.К. Тенишева

ВПЕЧАТЛЕНИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

(Продолжение. Начало в №40)

XIII

**Покупка Талашкина. Жизнь в Талашкине.
Врубель и другие гости. Смерть Гоголинского**

Вячеслав очень любил ездить в Талашкино. Несмотря на то что Хотылёво представляло полную чашу, в Талашкине было уютнее – это было старое насиженное гнездо.

Для меня же поездки туда составляли истинный праздник, если бы только не постоянный страх, что Киту по семейным обстоятельствам будет принуждена в конце концов продать его в чужие руки. Мысль эта мучила меня, отравляя всё удовольствие. Сколько раз я делилась с мужем моими опасениями, объясняя ему, почему она задумала расстаться с этим милым уголком. Киту очень хворала в это время, и её преследовала мысль (под влиянием которой её нервы расстраивались ещё больше), что, случись с ней беда, имение, в которое она вложила столько забот, трудов, инициативы, столько души и любви, отойдёт в руки её очень дальних, малокультурных родственников как родовое [По закону такое имение нельзя было завещать государству или какому-нибудь культурному учреждению.], и тогда всё пойдёт прахом: все её начинания, улучшения, все начатки культуры, которые она с такими

жертвами, такими усилиями насадила. То были люди плоские, ничем не интересующиеся, ни деревней, ни её процветанием. Они не только не стали бы продолжать работу Киту, но, наверно, скоро бы свели всё это на нет. Мысль эта положительно подтачивала здоровье Киту, а я страдала, глядя на неё.

Князь каждый раз утешал и успокаивал меня, говоря, что он этого не допустит, что он сам приобретёт его. Но в то время это совершенно не устраивало его. Он очень был занят упорядочением дел на заводе, и главная деятельность его сосредоточивалась в Бежице. Тогда же мы приобрели Хотылёво. Я очень волновалась. Хотя мне доставило большую радость приобретение этого красивого имения, где мы отдыхали после шумной, хлопотливой и подчас утомительной заводской жизни, но я боялась, как бы из-за этого вопрос о Талашкине не отошёл на задний план, как бы князь не перестал интересоваться им, так как действительно иметь два имения очень затруднительно и неудобно. Но все эти тревоги наконец рассеялись, случилось чудо – муж решил сам купить Талашкино. Когда это было решено между нами и Киту, мы собрались туда из Хотылёва к 22 июля, дню моих именин, уже не как гости, а как будущие хозяйки. Недоставало только совершения формальностей. Я была в восторге и вполне успокоилась за судьбу всеми любимого Талашкина, а у Киту камень свалился с души.

Накануне моих именин к нам приехал один из директоров Брянского завода Сергей Иванович Петровский. С вечера была отслужена всенощная, и всё, казалось, шло по-хорошему. Хотелось по-христиански, по-старинному встретить день моего ангела. На душу пахнуло чем-то давно забытым, прежним, старым, помещичьим житьём-бытьём, где к каждому семейному торжеству деда наши приступали с молитвой. Вячеслав был в духе, я ликовала. Киту улыбалась... Остальные тоже были веселы, не говоря уже о прислуге, которую эти забытые, но трогательные обычаи всегда приводят в умиление.

После всенощной пили чай и долго весело болтали, сидя на балконе в тишине ласкающей, тёплой июльской ночи, вдыхая медовый аромат цветущих лип, смешанный с тонким запахом резеды и левкоев. Потом, простившись, мирно разошлись по своим комнатам.

На другое утро я, радостная и нарядная, вышла из своей комнаты, ища мужа, чтобы с благодарностью броситься ему на шею за чудный жемчужный аграф, который я нашла, проснувшись, на своём столе. Я была до глубины души тронута его милым вниманием. Однако не нашла мужа нигде. Я осведомилась у прислуги, и каково же было моё изумление, когда я узнала следующее:

– Князь изволили по обыкновению кушать чай на балконе в семь часов, потом пришёл Сергей Иванович, ему тоже подали чай. Князь с Сергеем Ивановичем стали о чём-то спорить. Потом князь вынули часы и сказали, что ещё успеют попасть на поезд, и тут же приказали закладывать лошадей, оделись и уехали с Сергеем Ивановичем в Бежицу.

Я ничего не понимала и была потрясена. Легко сказать: «Уехали в Бежицу». Да ведь до Бежицы шесть часов по железной дороге! Поехав туда утром, можно вернуться только на следующий день. Значит – в день моих именин не будет ни мужа, ни гостя, приехавшего, по его словам, исключительно к этому дню. Что же это такое? Не случилось ли чего-нибудь?

Предвидя массу осложнений на этот злосчастный день, я

совершенно растерялась... По всей вероятности, наедут к обеду гости из Смоленска, губернатор, архиерей и многие другие. Что я им скажу? Как объясню отсутствие мужа в такой день?

Муж, вообще, кроме Нового года, не признавал никаких торжеств, тщательно скрывая дни своих именин и рождения и легко забывая эти дни у других. Но этому могли не поверить. Пожалуй, подумают, что мы разбегались, поссорились. Бог весть какие небылицы сочинят и пойдут передавать друг другу: провинциальное общество всегда так радуется каждой новой сплетне. Кроме того, если этот казус дойдёт до мужниной родни, какое там будет ликование в предвидении возможной и желанной катастрофы! Этого только не доставало... Нет, допустить это было бы слишком глупо. Эта последняя мысль точно прищипорила меня...

Предвидеть такого обстоятельства я, конечно, не могла, но надо было энергично перенести его последствия, загладить их. Жемчужный аграф был слишком незначителен, чтобы оправдать в глазах посторонних людей поступок мужа, нужно было более крупное событие, чтобы одним фактом затмить отсутствие мужа, отвлечь от него внимание, превзойти его важностью. Вдруг меня осенила блестящая мысль. Я села за стол и быстро написала смоленскому нотариусу, прося его немедленно приехать ко мне с книгами, бумагами, печатью и марками для совершения запродажной записи на Талашкино. Видя моё волнение, Киту не посмела противиться ничему и с испуганными глазами, молча, подчинилась всему. Сказано - сделано. Через несколько часов Талашкино было моим. Чтобы сохранить память об этом богатом событии дне, я убрала стол всеми моими подарками и на первом месте положила талашкинскую запродажную, а потом со всего этого была снята фотография.

Как я и предполагала, к обеду наехали гости из Смоленска. Конечно, отсутствие князя вызвало на лицах нескрываемое недоумение, но когда я объявила новость о покупке мной Талашкино, недоумение сменилось изумлением. Я объяснила, что муж собирался сделать это именно сегодня, но депешей спешно был отозван на завод и, уезжая, просил меня, чтобы запродажная всё-таки была бы непременно совершена в этот день, несмотря на его отсутствие, потому что это мой именинный подарок. Мои гости выразили мне массу искренних поздравлений, весело пировали весь этот день, а у меня изрядно щемило на сердце... Завтра не за горами: придётся отдавать мужу отчёт о моих действиях... Что-то он скажет?

Вернувшись на другой день, он предобродушно, с какой-то детской наивностью, объяснил мне, как всё случилось. Заспорив с Петровским и позабыв обо всём, они просто-напросто поехали в Бежицу доканчивать спор, чтобы там на месте доказать свою правоту и друг друга убедить.

Настала моя очередь. Изрядно робея, я понемногу рассказывала всё то, что мне пришлось пережить за весь день, и как я нашла выход из моего затруднительного положения. К моему удивлению, муж не только не рассердился, но обнял меня, назвав умницей и, тут же пригласив Киту в кабинет, объявил ей, что покупает Талашкино для меня с тем условием, что она в нём по-прежнему останется полной хозяйкой. Я вполне разделяла чувства мужа: Талашкино должно было остаться в её ведении. Я считала это только справедливым. Вот как Талашкино сделалось моим. Меня факт покупки Талашкино ещё раз убедил, что с мужем надо действовать, а не говорить.

Вячеслав всегда сочувственно относился к моим начинаниям, особенно когда они подходили к его расчётам. Покупка Талашкино как раз совпала с его намерениями покинуть брян-

ское дело. Выйдя из него, он предполагал проводить зимы за границей.

В Хотылёво он почти перестал ездить потому, что там ему очень надоели рабочие со всевозможными просьбами, а служащие, жалея об его уходе, приставали с уговорами изменить своё решение и не покидать дела. Но решение его было непоколебимо. Таким образом, Хотылёво потеряло мало-помалу своё значение и смысл. Мы большую часть лета проводили в Талашкине. Кончилось тем, что Киту приходилось одной ездить в Хотылёво, следить за хозяйством и конным заводом, начинавшим уже давать прекрасные результаты.

Понемногу муж стал заговаривать о продаже Хотылёва. Как ни грустно, но приходилось примириться с действительностью, сознаться, что жить на два имения делалось весьма затруднительно. Лето было слишком коротко, ни тут, ни там не удавалось сосредоточиться, время разбивалось без пользы.

Поездки в Хотылёво обыкновенно сопровождались огромными осложнениями, требовалась целая организация. У нас всегда гостило много народу: несколько друзей, знакомых, родственников, кто-нибудь из художников, Гоголинский, пианист Медем, скрипач Фидельман и другие. Иногда нас переезжало из одного имения в другое человек по двадцати, да ещё ехала прислуга, любимые собаки, охотничий сеттер князя и много багажа. Уморительно бывало видеть нас всех на станции в ожидании поезда – мы положительно изображали цыганский табор. Ввиду непродолжительного путешествия (часов шесть по железной дороге), каждый из нас тащил в руках вещи первой необходимости. Тут были дорожные мешки, несессеры, ящики с красками, фотографические аппараты, обилие зонтов с непромокаемыми накидками, ружья, корзины с провизией, в довершение всего назойливо бросалась в глаза пара колоссальных болотных сапог мужа на колодках, почему-то постоянно фигурировавших на первом плане. Поезд в Тычинине, нашем ближайшем полустанке, стоял всего три минуты, и за это короткое время надо было успеть сесть в вагон, да ещё нагрузить весь этот пёстрый багаж. По приходе поезда начиналась невероятная суета. Врываясь с обоих концов нашего специального вагона, мы все лезли сразу, бросаясь вперемежку с вещами, с собаками, задыхаясь, с криком и смехом, в то время как из окон соседних вагонов высывались десятки удивлённых физиономий, с любопытством следивших за этим даровым представлением.

Меня эти перекочёвывания забавляли, да и трудно было смотреть без смеха на озабоченные лица нашей компании. Все в волнении что-то говорят разом, как будто тут речь шла о жизни и смерти. А мужу это надоело, он любил путешествовать налегке. В конце концов это передвижение народов сделалось утомительным и всех стало тяготить. Не успеешь пустить корни в Талашкине, приняться за какую-нибудь работу, втянуться, углубиться в неё, как вдруг приходилось всё бросать, чтобы на несколько дней снова ехать в Хотылёво, то из-за заводских дел, то из-за охоты мужа. Кончилось тем, что Хотылёво было продано графине М.Н. Граббе, и, хотя я очень горевала, расставаясь с ним, всё же меня утешала мысль, что оно попало в руки моих давнишних знакомых, симпатичных, культурных людей, умеющих ценить красоту. Графиня Граббе, урождённая княжна Оболенская, – наша соседка по Талашкину, красавица, симпатичное милое существо, которым я всегда любовалась. Я давно знала её, ещё девушкой. Их имение, Кошино, было в семи верстах от нас, и мы виделись каждое лето.

Жаль, до боли жаль было мне моих трудов, всех тех минут борьбы, радостей и огорчений, нравственно связавших меня с

Бежицей навеки. Уход мужа из дел сразу оторвал меня от этой полной, осмысленной, творческой деятельности на заводе и от Хотылёва, где всё без исключения было создано моею фантазией. Жаль было чудного вида и того широкого, безбрежного простора, которым я никогда не могла достаточно насладиться. Жаль было тёплой благодарной почвы, на которой всё так пышно произрастало. Жаль величественную красавицу Десну. Прикованная её плавным, убаюкивающим течением, задумавшись, я часто подолгу сживала на берегу. Сколько она унесла за собой моих заветных дум, надежд, мечтаний!..

Меня всегда тянуло к средней полосе России. Я любила в ней роскошь липовых лесов Тульской губернии, глубокие овраги, покрытые густой зарослью дубняка, с пышными благоухающими травами, в которых ютилась душистая дикая клубника, необозримые пространства степей, сплошь до горизонта покрытые волнующейся, как море, рожью. Много раз, гостя у Маши Николаевой, я в этих вековых лесах проводила часы, как казалось мне тогда, в несбыточных мечтах, не подозревая, что судьба поможет мне многое осуществить...

Часть Брянского уезда Орловской губернии, где мы жили, была дорога мне тем, что напоминала с детства любимую мной Тульскую губернию. Однако надо было подчиниться обстоятельствам. Видно, не судьба мне была жить в этих краях...

В это время в Талашкине, кроме постоянных гостей, жили ещё Михаил Александрович Врубель с женой, молодой композитор Яновский, кое-кто из Смоленска и Василий Александрович Лидин, приехавший преподавать игру на балалайке в моей школе. С Врубелем мы были большими приятелями. Это был образованный, умный, симпатичный, гениального творчества человек, которого, к стыду наших современников, не поняли и не оценили. Я была его яркой поклонницей и очень дорожила его милым, дружеским отношением ко мне. Такие таланты рождаются раз в сто лет, и ими гордится потомство. Сидя со мной, он, бывало, рисовал и часами мечтал вслух, давая волю своей богатой, пышной фантазии. Малейший его эскиз кричал о его огромном даровании. В это время я была занята раскраской акварелью по дереву небольшой рамки, и этот способ его заинтересовал. Шутя, он набросал на рамках и деках балалаек несколько рисунков, удивительно богатых по колориту и фантазии, оставив мне их потом на память о своём пребывании в Талашкине.

Когда Хотылёво было запродало, Киту поехала его передавать сама. Имея дело с хорошими людьми, хотелось сделать это возможно лучше. Из дружбы ко мне она взяла на себя этот труд. Я была ещё очень расстроена, а муж был в Петербурге. Поезд, с которым Киту должна была возвратиться из Хотылёва, приходил в Тычино (Смоленская обл., 9 км от Смоленска) во втором часу ночи, и я позаботилась приготовить ей поужинать. Вся моя компания также захотела дожидаться её. Видя меня грустной, окружающие старались всячески меня рассеять и задумали устроить какую-нибудь шутку. Решено было всем переодеться прислугой, потушить все лампы, кроме залы, и устроить забавную встречу. Прислуге было ведено спрятаться и не встречать Киту на подъезде, чтобы она сама вошла в залу и увидела следующую картину: вокруг стола, при свете одной свечи в бутылке, сидела в самых непринуждённых позах целая дворня, вокруг валялись бутылки, кто пел, кто играл на гармонике, а некоторые пресерьёзно дулись в дурачки. Врубель ухарски заломил фуражку набекрень, в расстёгнутом мундире изображал денщика. Надежда Ивановна, его жена, – хворенькую бабёнку, закутанную в шаль, моя приятельница Е.В. Сосновская – поварёнка, Лидин в русской ру-

башке – кучера, остальные – кто судомойкой, кто буфетным мужиком, а Фидельмана, благодаря его крошечному росту, спеленали, и я изображала его няньку.

Как мы предполагали, так и случилось. Киту, удивлённая темнотой во всём доме и тем, что никто её не встретил, услышав какие-то непривычные звуки гармоники из залы, шум и смех, вошла в залу и остановилась на пороге в изумлении. А мы так вошли в роль, что даже на минуту обманули Киту картиной затейной прислугой попойки. Но тут кто-то рассмеялся, и мы все окружили её, один лишь Фидельман лежал забытый, спелёнутый на полу и орал благим матом, стараясь высвободиться.

Киту была довольна результатом своей поездки и, хотя усталая, утешала меня, говоря, что графиня в восторге от своего приобретения и будет любить и беречь Хотылёво. Дело было сделано. Надо было смириться, приняв случившееся как указание, волю самой судьбы.

* * *

Всё воображение, а главное, энергия, которую я вложила в создание Хотылёва, и широкая деятельность моя в Бежице, не могли уже более замереть во мне. Прилив здоровых сил снова и снова толкал меня к новому творчеству и новому труду. Перенеся всю мою любовь на Талашкино, утешенная, примирённая, с обновлёнными и удвоенными силами я приступила к новым задачам.

Удивительно, сколько раз в жизни человеку приходится начинать сначала... Судьба, вырывая его с намеченной дороги, толкает его по другому пути, а люди строго осуждают за это человека, упрекая в непоследовательности. В особенности в таких случаях достаётся женщинам... Судить легче, чем действовать. Они осуждают, не считаясь с тем, что нами руководит высшая воля...

Итак, Талашкино сделалось нашим постоянным летним пребыванием, а зиму мы проводили, как всегда, в Петербурге, иногда же уезжали за границу. Жизнь в Талашкине потекла лёгкая и приятная. Каждый из нас имел свою арену деятельности, каждый по-своему пустил корни. Киту, успокоенная за своё дорогое гнездо, с удвоенным рвением предалась сельскому хозяйству, к которому примкнула новая страсть – конный завод, переведённый из Хотылёва. Муж предпринял огромный труд по русской этнографии и часами работал, запершись у себя в кабинете. Я занялась созданием школы, а всё остальное время посвящала мастерской, трудясь над рисунком.

Кроме постоянных жителей, в Талашкине у нас подолгу гащивали в разное время Репин, Прахов, Софи Ментер, знаменитая пианистка, Коровин, Ционглинский, Трубецкой – скульптор (лепивший с меня статую в продолжение трёх месяцев и очень неудачно), Врубель, Владимир Ильич Сизов, приятели и родственники мужа и кое-кто из Смоленска.

Мы часто предпринимали большие прогулки пешком и в экипажах. Муж играл со своей компанией в крокет, ездил на велосипеде. По вечерам устраивались музыкальные вечера: трио и квартеты с участием Вячеслава, хорошо игравшего на виолончели (он был учеником Давыдова), дуэты – виолончель с пением. Я часто и много пела. Все очень любили эти вечера и, рассевшись каждый в своём углу на любимом кресле в нашей большой зале, специально нами переделанной для этой цели, целыми часами засиживались, наслаждаясь музыкой.

Днём можно было обойти всё Талашкино и никого не найти. У всех были свои рабочие часы, каждый зарывался в своё дело, только из открытых окон флигеля неслись, переплетаясь в невообразимую какофонию, игра Медема на

Церковь во имя Святого Духа (1903-1906) в Талашкино

рояле и бесконечно повторяемые скрипичные фиоритуры и упражнения Фидельмана.

Один из таких мирных, счастливых летних сезонов был отравлен смертью моего друга и учителя Гоголинского. Случилось это 7 июля. Мы в этот день собрались копать курганы на Соже, в двух верстах от дома. В это лето у нас гостили сестра мужа Остафьева с дочерью Кати, Е.А. Сабанеев, директор О-ва поощрения художеств, приехавший в это утро из Петербурга, и художник Ционглинский. На место раскопок поехали большой компанией, кто в экипаже, кто на велосипеде. По приезде на место все разделились. Мы с Нилом Алексеевичем отправились копать, одни – удить рыбу, другие купаться или просто бродить по берегу речки. Гоголинский в этот день был очень весел. Утром он ездил на велосипеде к шоссе встречать Сабанеева, желая похвастаться ему, что всего за три дня до его приезда обучился этому искусству. Во время раскопок он не отходил от курганов, и мы снялись там на одном из них целой группой, он вышел смеющимся. День был настоящий летний и какой-то особенно радостный. Домой вернулись поздно, за обед сели в восемь часов. По обыкновению пили шампанское, весело болтали, смеялись, без конца вышучивая друг друга. Мне, конечно, как всегда, доставалось от мужа за мою страсть к старине и раскопкам – это была его любимая, неистощимая тема.

После обеда – погода была так хороша, что в комнатах не сиделось, – мы пошли всей компанией прогуляться, растянувшись группами и попарно длинной вереницей. Вернувшись к чаю, я вдруг заметила, что между нами нет Нила Алексеевича. За ним пошли, заглянули в его комнату, обошли весь дом и парк, опять забежали в его комнату – его не было. Нас это обеспокоило. Становилось поздно, а он не возвращался. Решили наконец пойти на поиски той же дорогой, где мы только что проходили. Прихватили с собой прислугу с фонарями. Мы пошли мимо сада по большаку, громко окликавая его и делая всевозможные предположения. Утомившись за день, он легко мог незаметно отстать от нас и, присев где-нибудь за деревом, задремать. А то – от непривычки к вину у него могла закружиться голова...

По обе стороны дороги на пригорках тянулся лесок, по которому рассыпались во все стороны люди с фонарями. В тишине таинственной ночи замелькали между деревьями то там, то сям загадочные огоньки. Настала жуткая тишина, изредка прерываемая только треском сухих веток под ногами удалявшихся людей, да в траве неумолчно трещали кузнечики. С затаённым дыханием, со сдавленным горлом, вся пре-

вратившись в слух, я замерла, стоя одна на перепутье. Делалось всё таинственнее, всё страшней. Сердце, болезненно сжимаясь, с силой, точно молотком, стучало в груди и ушах. Понемногу умирала надежда. Где-то в душе зашевелилось предчувствие чего-то неминуемого, неотразимого. Минуты казались вечностью...

Вдруг из глубины леса чей-то голос произнёс: «Вот он!» На полгоре в лесу остановился огонёк, потом другой, третий, а там со всех сторон бежали остальные, быстро стягиваясь к одному месту. Наступило гробовое молчание. Природа тоже молчала, прикрывая великую тайну жизни и смерти...

Спустя немного тот же голос спросил:

– Что сердце? бьётся?... Нет?

– Нет... Всё кончено...

Слова эти падали, как тяжёлые удары. Истина предстала – не стало моего друга, тихого, сердечного человека, честного труженика. Обливаясь горькими слезами, я убежала домой...

В Талашкино все жалели Нила Алексеевича. Он был добрый, со всеми приветливый. Где-то в провинции у него была жена и дочь, но на наше извещение никто не откликнулся и не приехал. Решено было похоронить его в ограде нашей приходской церкви, в селе Бобырях, в шести верстах от Талашкина. Наши люди, чередуясь, несли гроб его на руках, и похоронное шествие длинной вереницей растянулось до самых Бобырей. Все талашкинцы без исключения проводили Нила Алексеевича к месту его вечного покоя.

Удивительно трогательно было участие окружающих к этому чужому, одинокому человеку. Все, кто только мог, с усердием покрыли его венками и цветами. В торжественный момент прощания я была единственным и самым близким ему лицом. После отпевания мне первой пришлось с ним проститься. После меня подошли его друзья, Сабанеев, Ционглинский, затем остальные. Среди прощавшихся с телом я заметила нашего деревенского маляра Михайлу, который, подойдя к телу, степенно, без торопливости, принялся покрывать бесчисленными поцелуями лицо и руки бедного Нила Алексеевича, пристально глядя в лицо умершего. Он, можно сказать, излил его окончательно, с какой-то наивностью, без малейшего отвращения и страха. Я подумала: сколько хорошего, сколько теплоты и мягкости душевной таится в простом русском народе... Этот человек, не знавший Нила Алексеевича, усердно нёс его несколько вёрст до кладбища и простился с ним, как родной, гораздо сердечнее Сабанеева и Ционглинского, потерявших в нём старого товарища.

Нет, умереть в деревне не страшно. Даже самого сиротливого кто-нибудь да пожалеет, прольёт искреннюю слезу и похоронит с хорошим христианским чувством...

Нил Алексеевич прослужил 25 лет преподавателем в петербургской школе Поощрения художеств, и как раз в ту весну был его юбилей. Но слово это звучит слишком громко. Юбилей состоял в том, что несколько товарищей пожали ему руку, он скромно пообедал у Сабанеева, получил от меня поздравительную телеграмму – вот и всё. Школа Поощрения художеств не награждает своих тружеников в конце длинного ряда годов службы, в продолжение которых человек истрачивается, стареет и в результате умирает. Там нет капиталов, не выдаются пенсии, и за неустанный труд платят гроши. Этой-то более чем скромной карьерой удовлетворялся Нил Алексеевич, составивший себе репутацию добросовестного человека и скромного, но хорошего акварелиста-пейзажиста. У него была чудная душа, и от дружбы с ним делалось теплее на сердце...

Продолжаем знакомство с регионами России. Наша страна великолепна, разнообразна в плане путешествий. Сегодня предлагаем заглянуть в Переславль-Залесский, где всегда много туристов и любителей истории.

ПЕРЕСЛАВЛЬ : НА РОДИНЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Переславль-Залесский – старинный русский город, основанный Юрием Долгоруким у Плещеева озера. Город прославился тем, что в нём родился Александр Невский, а в 1688 году Пётр Первый строил здесь Потешную флотилию. В Переславле-Залесском расположены многочисленные церковные памятники, здесь происходили важные для Российского государства исторические события.

Город является заповедным местом, входящим в Золотое кольцо России. В 1152 году князь Юрий Долгорукий на берегу реки Трубеж, там, где она впадает в Плещеево озеро, основал город и назвал его Переяславлем, что в переводе с древнеславянского означает «Переявший славу».

Это был третий город в древней Руси с таким названием: в то время уже существовали Переяславль на территории современной Украины, переименованный в 1943 году в Переславль-Хмельницкий, и Переяслав-Рязанский, переименованный в 1773 году в Рязань.

В XV веке город, основанный Юрием Долгоруким, стали называть Переславль-Залесским, поскольку он находился в Залесье, то есть за лесом, отделявшим эту местность от Киевских и Черниговских земель. Город располагался в 130 км от Москвы на пересечении многих торговых путей и в те времена был знаменитым и богатым.

Здесь 30 мая 1221 года родился великий русский полководец Александр Невский, а в древнем Спасо-Преображенском соборе он был крещён.

Единственная каменная постройка Переславского Кремля, сохранившаяся до наших дней – это Спасо-Преображенский собор. Заложенный в 1152 году Юрием Долгоруким и достроенный Андреем Боголюбским, собор является одним из древнейших белокаменных памятников Северо-Восточной Руси. В древности высота храма составляла 22 метра, но с веками он осел на 1 метр. Внешний вид Спасо-Преображенского собора – аскетичный и строгий, он сложен из белокаменных блоков в полубутовой технике. После постройки собор был расписан фресками, но в конце XIX века их сняли для реставрации и признали не подлежащими восстановлению. Сейчас фрагменты можно увидеть в Историческом музее Москвы.

В Переславле стоит посетить и Собор Владимирской Иконы Божией Матери. Интересна история ещё одного монастыря. Успенский Горицкий монастырь был основан при Иване Калите, в XIV веке. Монастырь был разграблен и разрушен войском Тохтамыша. По легенде, чудом спаслись лишь княгиня Евдокия, супруга Дмитрия Донского, и несколько её приближённых – в туманный день они спрятались на плоту в центре Плещеева озера. В благодарность за спасение, великая княгиня восстановила монастырь на личные средства. В честь чудесного спасения каждый год, в шестое воскресенье после Пасхи, устраивается крестный ход на лодках к середине Плещеева озера. Лодки отправляются из двух точек – от Горицкого монастыря и устья реки Трубеж.

СВЯТО-НИКОЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Святая обитель была основана в 1348 году. Но спустя полвека монастырь был уничтожен войсками эмира Эдигея. Впоследствии монастырь отстраивался и вновь уничтожался врагами. Нынешний ансамбль из камня был возведён в XVIII веке.

Он состоит из пятиглавого Никольского собора (был взорван и отстроен заново); 28-метровой шатровой колокольни; Святых врат с надвратной церковью имени святых апостолов Петра и Павла; церкви Благовещения Пресвятой Богородицы; каменной ограды.

Восстановлением построек на территории Свято-Никольского собора занялись не так давно. Сейчас женский монастырь является действующим.

В Успенском соборе Горицкого монастыря находится колокол весом 149 пудов 19 фунтов. Он был отлит на Финляндском заводе в 1865 году для Переславля-Залесского.

С питанием в городе, честно говоря, не очень. Но выручило кафе с оригинальным названием «Сытый ёжик». Хорошее меню и классные повара. Рекомендуем!

К сожалению, поистине исторический городок выглядит запущенным и разбитым, словно после бомбёжки. Центральная улица Свободы вся изрыта воронками, то и дело автомобилисты вынуждены тормозить, чтобы не потерять подвеску.

С трудом к важным объектам пробиваются объёмные туристические автобусы. Оставляет желать лучшего сувенирная продукция: китайские подделки с заметным преимуществом побеждают местных умельцев. Такое впечатление, что власти совершенно не озабочены раскруткой имиджа Переславля.

Иной раз подумаешь ещё раз приехать сюда, хотя история края на самом деле завораживает и увлекает.

Средневековый детектив

Список убийц князя Андрея Боголюбского нашли при реставрации Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском в 2015 году.

Загадочная трагедия произошла в 1174 году. Не понятно, что явилось мотивом преступления: политический конфликт или кровная месть. В «Повести об убиении Андрея Боголюбского» полно подробностей, которые подтвердились экспертизой 1934 года ленинградского Рентгенологического

перечень имён убийц Андрея Боголюбского, проклятие им и несколько пока не прочитанных строк, а правый – кра-

Смерть Андрея Боголюбского. Миниатюры Радзивилловской летописи. Конец XV века. Источник: <https://history.wikireading.ru/416753>

Найденный в 2015 году письменный документ на стенах собора в Переславле-Залесском. Фото Г.М.

института. Из этого следует, что «Повесть...» писал если не очевидец, то приближённый к кругу князя. Полный текст сохранился в Ипатьевской летописи 6683 (1175) года.

Уникальную надпись, которая оказалась древнейшим датированным письменным памятником Северо-Восточной Руси чуть было не уничтожили во время реставрации собора. Работники музея настояли на том, чтобы очистку стен собора осуществили гидроструйным методом вместо запланированного абразива. Благодаря им, произошло открытие.

ткое сообщение об убийстве. Удалось прочитать в правом столбце:

«Месяца июня 29 убиен бысть князь Андрей своими паробкы (слугами), овому вечная память, а сим – вечная мука».

Дальше текст не читается. По словам Алексея Гиппиуса, фраза «овому (то есть князю) вечная память, а симъ (заговорщикам) вечная мука» говорит о том, что надпись была сделана уже после казни.

В левом столбце – список убийц. Три первых имени известны по летописи – это Пётр Кучков, зять князя, его братья Амбал и Яким Кучковичи. Затем значительная часть текста утрачена, а в конце есть три имени, которые ранее известны не были: Ивка, Петрко и Стырята. Последнее может быть прозвищем, образованным от слова «стырь», рулевое весло. Окончание столбца не прочитано.

Логично задуматься, почему эта надпись находится в Переславле, а не в Боголюбове, где был убит Андрей, и не во Владимире – столице княжества? Выглядит он как официальный, потому что расположен на стратегически важном месте – алтарной апсиде.

«Убийство князя – одно из самых загадочных событий второй половины 12 века. Можно полагать, что это событие – следствие острых конфликтов среди политической элиты Владимиро-Суздальской земли. Однако детали этих конфликтов, которые часто интерпретируют как столкновение княжеской власти и боярства, нам неизвестны. Возможность получить новые данные о событиях 1174 года, известных нам по летописному рассказу – совершенно неожиданная удача»,

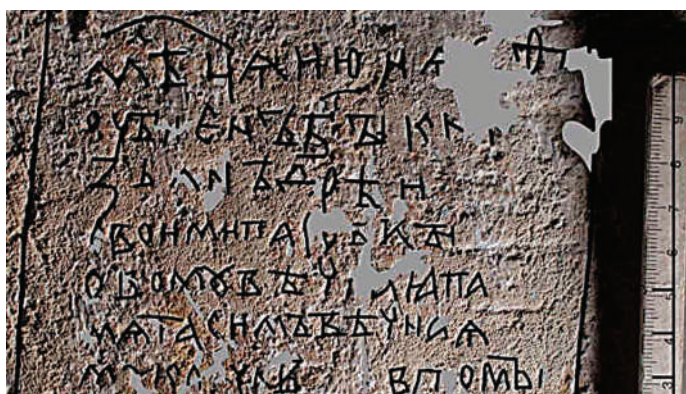

Фото АИ РАН

Текст исследовали московские эпиграфисты – профессор факультета филологии Высшей школы экономики Алексей Гиппиус и научный сотрудник Института славяноведения РАН Савва Михеев. К сожалению, значительная часть текста не читается.

Надпись об убийстве находится ровно посередине южной апсиды собора. Она сделана в два столбца, обведённых в общую рамку с крестом сверху. Левый столбец содержит

– заявил академик Николай Макаров, директор Института археологии РАН.

Подробности этого детектива до конца не разгаданы. Сегодня учёные продолжают ломать голову над письменами,

сделанными прямо на стенах собора. Как говорится, улики налицо. Но до разгадки далеко. Есть только версии.

Мы же можем сделать вывод, что в те далёкие времена противостояние было сверхжестоким, причём не только между врагами, но и своими же: убийства родных и близких в борьбе за власть не считались аморальными.

А что же Александр Невский, родившийся в этом городе? Он появился на свет 13 мая 1221 года.

Его отец, Ярослав Всеволодович, тогда занимал в городе княжий стол.

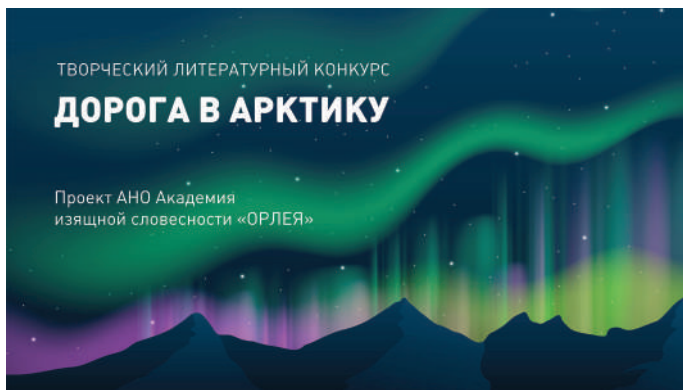
Позже родитель юного княжича становится правителем Киевского и Владимирского княжеств. Мать будущего полководца звали Ростиславой Мстиславовной, она была торопецкой княжной. Александр был не первым ребёнком в семье, у него был старший брат Фёдор, который умер в отрочестве, в 13 лет. Всего в этой семье выросло 9 сыновей и три дочери. Александр быстро становился отважным и хитрым воином, побед он добивался не только мечом, но и дипломатией.

В 19 лет он одолел крестоносцев в Невской битве, и уже одним этим вошёл в историю. Дважды его приглашали княжить на новгородскую землю.

5 апреля 1242 года на Чудском озере этот хитроумный полководец устроил для рыцарей Ледовое побоище. Он был великолепным стратегом и тактиком, умело использовал против врагов особенности северных водоёмов.

Церковь высоко чтит князя, благодаря которому Русь сохранила православие. Ради сохранения своей власти этот человек никогда не шёл на компромиссы с Ватиканом. В 1543 году Александр Невский был причислен к лику чудотворцев. Он воевал и страдал за своё Отечество, именно таких людей церковь признавала святыми.

ТВОРЧЕСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

ДОРОГА В АРКТИКУ

Проект АНО Академия
изящной словесности «ОРЛЕЯ»

Жюри завершает приём заявок на Всероссийский литературный конкурс «Дорога в Арктику», который посвящён памяти выдающихся деятелей нашего общества, исследователей Арктики: Г.Я. Седова, А.В. Колчака, С.И. Челюскина, И.Д. Папанина и завершается мероприятиями, приуроченными к 150-летию В.А. Русанова.

Учредителем Конкурса является АНО «Академия изящ-

Илья Яковлевич КОБЛЕНЦ

Участник 69 гидрографических и геодезических экспедиций в Арктике, районах Крайнего Севера и Северо-Запада России. Награждён значком «Почётному Полярнику» (1980 год).

ЛЕЙТЕНАНТ КОЛЧАК

Гидрограф русской полярной экспедиции

(1900 – 1902 гг.)

В начале 1900 года начальник Русской Полярной экспедиции барон Эдуард Васильевич Толль, по согласованию с Морским министерством, предложил двадцатилетнему лейтенанту Александру Васильевичу Колчаку, имевшему к тому времени хороший послужной список морского офицера, должность второго помощника командира яхты «Заря» с одновременным исполнением обязанностей гидрографа экспедиции. Колчак это предложение незамедлительно принял и начал готовиться к предстоящей работе. Он имел опыт гидрографических и гидрологических работ, но, чтобы полностью справляться со своими обязанностями, дополнительно прошёл специальный курс магнитометрии и практику в Геофизической и Павловской магнитной обсерваториях под Петербургом. Во время подготовки к плаванию яхты «Заря» в Норвегии Колчаку удалось несколько раз встретиться с Фритьофом Нансеном и ознакомиться с его методами проведения гидрологических исследований, а также с новыми океанографическими приборами профессора Хирта.

С первых чисел августа 1900 года, яхта «Заря» уже находилась в Баренцевом море и все члены экспедиции приступили к своим обязанностям. Колчак нёс ходовую вахту, производил попутный промер глубин, брал и исследовал пробы воды, когда позволяла видимость, вёл подробное лоцийное описание морского побережья и островов, фиксировал состояние погоды и ледовую обстановку. Ещё во время плавания Колчак уделял повышенное внимание исследованию ледяного покрова, процессу образования торов, дрейфу льдов в открытом море, а в периоды зимовок вёл систематические ледовые наблюдения.

ной словесности «ОРЛЕЯ» при поддержке комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики, Минвостокразвития России, Ассоциации союзов писателей и издателей России, Союза российских писателей, Орловского краеведческого музея и Дома-музея В.А. Русанова, Российского государственного музея Арктики и Антарктики, Ассоциации полярников России и других информационных партнёров.

Конкурс состоит из трёх этапов:

февраль – май 2024 года,

июнь – ноябрь 2024 года,

январь – май 2025 года.

Возраст участников: от 13 до 25 лет.

Заявки в номинации «проза» и «поэзия», соответствующие тематике конкурса, принимаются на электронную почту konkurs.rusanov2024@gmail.com.

Полная информация о конкурсе и Положение на сайте: <http://союзписателей-57.рф/конкурсы-2/>

ВКонтакте: <https://vk.com/club224243910>

в ТГ-канале: https://t.me/ais_orleya

Место первой зимовки (рейд «Заря») в проливе «Заря» на современной топографической карте

Колчак с первых дней зимовки приступил к непосредственным обязанностям гидрографа:

1. Гидрологическим наблюдениям, установив на борту

шхуны прилиномер (мареограф) с целью снятия ежечасных отсчётов уровня моря.

2. Наблюдениям за ледообразованием, увеличением толщины льда, снежным покровом. Процесс был непростой и он описывается в книге А.В. Колчака «Лёд Карского и Сибирского морей»:

3. Сделал топографическую съёмку и составил план рейда «Заря».

4. В период 23 октября – 1 ноября 1900 года Колчак в составе группы под руководством Э.В. Толля, с каюрами (погонщиками собак) Расторгуевым и Носовым, на собачьих упряжках, занимался астрономическими наблюдениями и маршрутной съёмкой, практически необследованного района побережья полуострова Таймыр и близлежащих островов, от рейда «Заря» до Гафнер-фьорда, что по прямой составляет не менее 160 километров.

5. Второй автономный поход Толля и Колчака, также на собачьих упряжках, но уже без каюров, продолжительностью 41 день (20 апреля – 31 мая 1901 года) и протяжённостью более 500 вёрст, проходил в тяжёлых условиях по маршруту от рейда «Заря» до полуострова Инклинатор и далее в тундру на северо-восток. Он также сопровождался маршрутной съёмкой, астрономическими наблюдениями, барометрическим нивелированием приметных объектов. Эти два похода Колчака, а также походы Коломейцева Н.Н., Матисена Ф.А. и Зееберга Ф.Г., позволили создать сеть астрономических пунктов от мыса Приметного до мыса Святого Фомы в Таймырской губе.

С целью визуализации указанного района, я поместил на гугловском снимке, по сохранившимся в архивных документах координатам, всю сеть астрономических пунктов, созданных во время первой зимовки. Она простиралась вдоль побережья полуострова Таймыр более чем на 350 километров. А чтобы понять насколько это трудоёмкая, тяжёлая и ответственная работа следует помнить, что астрономический пункт (астропункт) – это точка поверхности Земли, закреплённая на местности опознавательным знаком (веха, пирамида, гурий), для которой с помощью астрономических наблюдений высокоточным универсальным инструментом (Гильдебрандт), определены широта, долгота и азимут направления на земной предмет.

После второго похода и до момента освобождения «Зари» от ледового плена, Колчак занимался предварительной обработкой своих материалов, ледовыми наблюдениями и судовыми работами, входящими в круг его обязанностей.

25 августа 1901 года яхта «Заря» начала выход из архипелага Норденшельда и движение в сторону мыса Челюскин, который она достигла 2 сентября. В этом районе Колчак и Зееберг совместно определили координаты мыса, названного мыс «Заря» и находящегося восточнее мыса Челюскин. Далее была предпринята попытка подойти к острову Беннетта, с целью высадки на него для поиска «Земли Санникова», но она не удалась, пришлось идти к острову Котельный и готовиться ко второй зимовке. Место зимовки выбрали в Нерпичьей бухте, с трудом вошли в неё и 24 сентября прекратили движение. Колчак, как и на предыдущей зимовке, приступает к своим наблюдениям, попутно выполняя поручения Толля, связанные с подготовкой к его весеннему походу на остров Беннетта и предстоящей навигацией.

В период 16 мая – 25 мая 1902 года Колчак со спутниками совершают пеший поход, на остров Бельковского, где он

А.В. Колчак (третий слева) со спутниками отправляется в пеший маршрут для обследования острова Бельковский

наблюдает астрономические пункты, делает маршрутную съёмку и собирает геологические образцы для коллекции.

После ухода группы барона Э.В. Толля на поиски «Земли Санникова», в соответствии его с инструкцией, командование экспедицией переходит к лейтенанту Ф.А. Матисену, и Колчак совместно с ним прилагает силы к снятию этой группы с острова Беннетта в период летней навигации, а когда это не удаётся сделать по условиям ледовой обстановки и запасы угля на исходе, выполняя требования этой же инструкции, Матисен разворачивает изрядно потрёпанную «Зарю» и приводит её в Тикси, где она останется на «вечной стоянке»... Члены экспедиции возвращаются в Петербург в декабре 1902 года.

Русская Полярная экспедиция была комплексной и научные результаты, полученные ей, значительно уточнили сведения о навигационно-гидрографическом состоянии обследованного района, а также пополнили знания в области океанографии, метеорологии, земного магнетизма, гляциологии, физической географии, ботаники, геологии, палеонтологии, полярных сияний. Обработка такого объёма материалов сама по себе требовала много времени, а к этому прибавились непредвиденные обстоятельства, как-то исчезновение группы Э.В. Толля, организация поисково-спасательной экспедиции, затем русско-японская война и многое другое, поэтому Колчак смог приступить к окончательной обработке и опубликованию своих материалов только после 1905 года.

Научными итогами деятельности гидрографа РПЭ лейтенанта А.В. Колчака служит изданная в 1909 году монография «Лёд Карского и Сибирского морей», ряд докладов и статей предваряющие эту книгу, а практическим результатом две карты: путевая карта Карского моря № 712 и частная карта заливов Вальтера, Зееберга, Чернышёва в южной части Таймырского залива № 679.

Награды Колчака за эту экспедицию: топоним «остров Колчак» в Таймырском заливе, присвоенный Толлем в 1901 году, позднее переименованный в «о. Расторгуева», а 2005 году получивший прежнее название, но в транскрипции «остров Колчака», орден Св. Владимира 4-й ст., за участие в РПЭ и поиски пропавшей группы барона Э.В. Толля (1904 год), Константиновская медаль Императорского Русского географического общества (1905 г.)

Литература:

1. Э.В. Толль. Плавание на яхте «Заря». Государственное издательство географической литературы. Москва. 1959.
2. К.А. Богданов. Адмирал Колчак. Биографическая повесть-хроника. Судостроение. С. Петербург. 1993.
3. А. Колчакъ. Ледъ Карскаго и Сибирскаго морей. С-Петербургъ. 1909.

ПОЛЯРНЫЕ БУДНИ. В ДЕЛЬТЕ ЛЕНЫ

Слово «экспедиция» вошло в мою жизнь довольно давно и означало, естественно, кочевую жизнь, палатки, костёр, добрую песню и, конечно, нерушимую дружбу. Со временем эти представления не изменились, и хотя бывают экспедиции, где ноутбуков на душу участников больше, чем в престижном научно-исследовательском институте, но старая добрая гитара всегда со мной, и песня по-прежнему согревает душу, а костёр тело. Но в те далёкие восьмидесятые слово «экспедиция» для меня, тогда молодого лаборанта географического факультета Ленинградского университета, было магическим и связанным только с науками о Земле, и казалось кощунственным слышать из уст какого-нибудь киношника, что он отправляется в «экспедицию». А теперь, когда я побывал во многих уголках планеты, в том числе и в Антарктиде, это слово наполняется для меня особым смыслом.

Об одной такой экспедиции, которая случилась в конце 1990-х годов, я и хочу рассказать. Для меня, учителя географии, имевшего за плечами опыт работы в Азиатской экспедиции географического факультета Ленинградского университета, лето — полевая пора. Как профессиональный географ, я каждый год отправлялся в составе экспедиций отдела географии полярных стран ААНИИ на север, не только для того, что бы остаться «в обойме» и не потерять возможность странствовать, но и расти профессионально — учитель географии должен видеть (по мере возможности) то, о чём он говорит. В составе легендарной, не побоюсь этого слова, экспедиции А-162, которую возглавлял Дмитрий Юрьевич Большианов, мне посчастливилось поработать на полуострове Таймыр, Северной Земле, в дельте реки Лены. Именно Дмитрий Юрьевич стал моим «арктическим крестным отцом».

Летом 1997 года судьба забросила меня в составе маленького отряда отдела географии полярных стран ААНИИ в дельту реки Лены. Места там дикие, людей практически нет, и мне с двумя моими спутниками, точнее спутницами, надлежало, изучая береговые обнажения, передвигаться вниз по протоке Туматской до острова Сагастырь — места основания первой российской полярной станции под руководством Николая Даниловича Юргенса в период проведения первого Международного полярного года (1882-1883 гг.). Дельта реки Лены огромна, её площадь составляет около 30 тыс. км². Это одна из крупнейших по величине дельт мира после Амазонской, Гангской и дельт великих китайских рек Янцзы и Хуанхе. Поэтому без надёжной карты, а в некоторых случаях и проводника делать тут нечего. Вдоль низких топких берегов многочисленных рукавов дельты мы пробирались к конечной цели нашего путешествия — острову Сагастырь, на двух надувных лодках, доверху набитых экспедиционным снаряжением и продуктами. Вертлявые и парусящие на диких ветрах Арктики, наши лодки упрямо шли к одному из самых северных островов дельты, омываемых и водами реки Лены, и Северным Ледовитым океаном одновременно.

Экспедиционная жизнь трудна и неустроена даже для мужчин, не говоря о женщинах. Хотя я и встречал в своей полевой практике стойких и приспособленных к многомесячным экспедиционным тяготам женщин, органично вписавшихся в мужской коллектив, тем не менее, считаю,

что такая жизнь не для них. Надо отметить, что в истории полярных путешествий были замечательные примеры представительниц прекрасного пола, которые своим упорством, самоотверженностью, силой воли могли дать фору многим мужчинам. Далеко за примером ходить не надо, достаточно вспомнить имена спутниц мужчин-первооткрывателей: Ерминии Жданко — участницы экспедиции Георгия Брусилова на парусной шхуне «Святая Анна», Татьяны Прончищевой — супруги руководителя отряда Великой Северной экспедиции Василия Прончищева, жену и спутницу геолога Ивана Дмитриевича Черского — Мавру Павловну, которая перенесла не только смерть мужа, но и все тяготы и лишения в маршруте по р. Колыме, не только сохранив жизнь после смерти мужа своему второму спутнику — двенадцатилетнему сыну, но и завершив начатые им исследования.

И честь и хвала им, известным и неизвестным женщинам, даже незримое присутствие которых давало силы их мужчинам для героических поступков. И вот теперь я, достаточно опытный путешественник и исследователь, должен проложить маршрут по Туматской протоке в компании двух женщин.

Человеку с руками и головой сгинуть в тундре сложно, но преодолеть безжизненные водные пространства дельты Лены без лодки практически невозможно. Река накормит и согреет — обилие рыбы и плавника по берегам её проток — это и пища, и тепло. Наша маленькая команда медленно пробиралась к конечной цели нашего путешествия по протоке Туматской, останавливаясь у каждого примечательного природного объекта в виде террас и береговых обнажений и всё больше ощущала холодное дыхание моря Лаптевых. В задачу отряда входило изучение обнажений и отбор образцов на радиоуглеродный и палинологический анализы. Полученные результаты позволили бы провести палеогеографические реконструкции и оценить изменения природной среды за последние 10 тысяч лет.

Неспешно продвигаясь по протокам, пытаюсь кое-где сократить наш маршрут, мы приближались к конечной цели. Дни были похожи один на другой, несмотря на разные виды работ, которые мы выполняли, и смену ландшафтов. Нет, ландшафт был один — тундра. Но кто хоть раз увидел её многоцветие, погрузился в её звенящую тишину, увидел стремительные переходы от лета к зиме и обратно, трещащие на ветру полярные маки, заметённые последним снегом и тянущиеся к солнцу первоцветы, никогда не забудет этой грустной и такой завораживающей красоты...

Как водится, беда приходит неожиданно и именно в тот момент, когда ожидаешь её меньше всего. На этот раз нас настиг сильный ветер со стороны океана. До тех пор пока мы шли по реке на вёслах, прикрытые склонами террас, всё было хорошо, но стоило реке поменять направление на северное, как мы вынуждены были покинуть наши лодки из-за сильного ветра, продолжив наше дальнейшее путешествие уже пешком. Пришлось тащить наши гружёные лодки на бечеве вдоль берега, время от времени проваливаясь в топкую трясину низких берегов. Ветер был очень силён, но я не сразу понял всей опасности ситуации, в которой мы оказались. В том месте протока делает излучину, подворачивая чуть на восток, при этом сохраняя генеральное направление

на север. Береговой склон, вдоль которого мы шли, был довольно высоким и крутым, без единого удобного места для подъёма на террасу. Судя по карте, она простиралась ещё на километр-полтора. Погружённый в свои размышления и увлечённый борьбой с ветром и течением, я не заметил, как с севера накатили чёрные низкие тучи. Пошёл нудный моросящий дождь, который вскоре перешёл в ливень. Дождь стоял стеной, нет — он летел почти параллельно реке, не давая поднять голову и оглядеться. В минуту мы оказались мокрыми насквозь. И, как назло, ни одной ложбинки, ни одной промоины, по которой мы бы могли подняться на террасу, чтобы поставить лагерь. Вода в реке заметно прибывала, и мы шли уже по колено в воде. И, наконец, о чудо — промоина в береговом склоне, по которой можно попытаться подняться наверх. Увязая в раскисшем песке, ходка за ходкой мы поднимали вещи на плоскую поверхность террасы, где нас уже поджидал шквалистый ветер, который норовил что-нибудь прихватить с собой, вырывая из рук лёгкие вещи. Наконец всё уложено наверху. Ветер и дождь не прекращаются, медленно превращая наш походный скарб в одну мокрую кучу. Втроём ставим палатку. Рук явно не хватает, а у моих спутниц и сил, чтобы удержать полотнище нашей брезентовой палатки. Прижав трепещущую ткань к земле своими телами, прибаваем её пол к земле длинными металлическими штырями. Крепим растяжки с наветренной стороны, медленно вставляем колья коньков — и, о счастье, она стоит! Затаскиваем вещи. Под ногами хлопает вода, стекающая с нас, с наших вещей, со стен и крыши нашего дома. Из второй капроновой палатки кое-как устраиваем внутренний навес, хоть как-то спасающий от ветра и дождя. Разжигаю примус, оставляю моих спутниц налаживать быт, а сам под продолжающимся дождём укрепляю палатку, поднимаю лодки, насколько можно высоко, связываю их вместе, креплю к колам, забитым в песчаный грунт, поднимаю наверх вёсла. В палатке от работающего примуса тепло. Попили чай и завалились спать.

Утром проснулся по привычке рано. Дождь окончился, пасмурно, ветрено. Вышел на берег. Ужас округлил мои глаза — лодок на месте не было! Часть берега, к которому они были привязаны, смыло нагонной волной. Первая мысль — что делать дальше? Пешком по дельте не пройдёшь, радиосвязь неустойчива. Ни с Тикси, ни с островом Самойловский, где располагалась база экспедиции, связи за последние два дня не было. Правда, мы слышали позывные кордона заповедника на острове Сагастырь, но радиоконтакта установить не удалось. До ближайшего жилья по прямой километров сорок. С такими мыслями бегу за биноклем. Обшариваю горизонт вниз по течению реки — нет лодок, смотрю вверх по течению — слава богу, вот они. Под действием ветра лодки унесло вверх по реке почти на километр, загнав их на противоположный берег протоки. Лодки есть, но до них ещё надо добраться. Спустился к реке, измерил температуру воды. Лучше бы я этого не делал: минус 8 °С. Надо плыть. Кому плыть — вопросов не возникало. Надел на себя тёплое белье, спасательный жилет, поднялся по реке чуть выше, чем лодки, и смело бросился в ледяную воду. И тут же был снесён течением — я не учёл скорость на излучине реки. Самой трудной оказалась вторая попытка. Мне казалось, что никакая сила не сможет заставить меня снова войти в эту воду. Но надо как-то добираться. Плылось очень тяжело, в какой-то момент мелькнула мысль: «Будь что будет, бросить все усилия, и пусть вынесет меня в океан», но, преодолевая усталость и мышечную боль, судорожными гребками заставил себя дви-

гаться. Наконец почувствовал, что течение не сносит, значит, стремнину прошёл и дальше будет легче. Действительно, оставшуюся часть преодолел довольно быстро. Наконец я у лодки! Была ли радость преодоления себя и реки — не помню. Сил на какие-либо чувства и эмоции не было. Если бы не спасжилет — не доплыл бы, а ведь сначала я даже думал весло с собой прихватить. К нему-то и возвращались мои мысли — как попасть на противоположный берег? Сижу в воде... и не знаю, что делать. До дна не достать, порожние надувные лодки сидят высоко, да и зацепиться не за что. Развернул одну из лодок транцем к себе, кое-как подтянулся и с трудом перекинул очоженевшее тело в лодку. Упал на дно, но радоваться рано, надо ещё вернуть лодки на противоположный берег. Вёсел нет, как плыть, что делать? Осматриваюсь, лодки находятся на плаву — что-то их удерживает от сноса течением. Оказалось — лопата. Привязывая лодки вчера к вбитым колам, носовую верёвку я обвязал вокруг лопаты, загнав её как можно глубже в береговой песок. Она и стала моим спасением. Используя лопату как весло, поперёк течения погнал лодки на нашу сторону. Шатаюсь как пьяный, с трудом подтянул лодки к берегу. Сил оставалось только на то, чтобы раздеться и зарыться в спальный мешок. Меня бил озноб. Температура тела упала до 33 градусов. Мои спутницы укутали меня в несколько спальников, отпоили крепким сладким чаем, влив туда изрядную порцию спирта. Стало легче и теплее. А через пару часов мы уже собирали лагерь — впереди нас ожидали настоящий океанский шторм, леденящая пурга, от которой пришлось отсиживаться в палатке более суток, лабиринты меандр Туматской протоки, а в конце пути — гостеприимство якутов на кордоне заповедника, уха из осетра, оленина и длинный, длинный путь домой.

До сих пор, вспоминая те замечательные времена, явственно ощущаю запах свежего хлеба, который с любовью испекла для нас старая якутка с русским именем Акулина.

К слову сказать, в скором времени кордон на острове Сагастырь закрыли, сотрудники были уволены или переведены на новое место работы в пос. Тикси. Но и сегодня, я надеюсь, стоит на обрывистом берегу Туматской протоки срубленный нами крест в память о первой российской полярной станции.

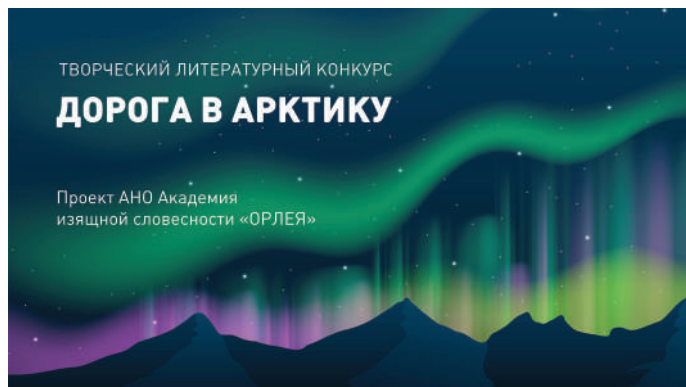

Андрей Юрьевич ИВАНОВ —
почётный работник общего образования РФ, учитель
географии ГБОУ гимназия № 85 Петроградского района,
сотрудник отдела подготовки кадров АНИИ.

Фото автора

Николай ВЕЛИГЖАНИН,
писатель, кинодраматург, путешественник.

Автор книги-исследования «В тени первых Героев. Белые пятна челюскинской эпопеи», посвящённой эвакуации с арктических льдов пассажиров и команды парохода «Челюскин»

Уважаемые участники конкурса!

Рад приветствовать вас на этой площадке! Поздравляю тех, кто уже решился подать свою заявку, и, может быть, вдохновить других, если кто ещё раздумывает или сомневается. Конкурс – прекрасная возможность не только проявить себя, но просто попробовать себя в творчестве, если ранее этого ещё не делал. И второе, я уверен, важнее первого. Старый олимпийский принцип гласит: «Главное не победа, главное участие», и он мудрее, чем кажется на беглый взгляд. Вступая на творческую тропу, иногда не знаешь, куда она тебя приведёт. Точнее сказать, никогда не знаешь, но само движение по ней важнее цели, оно меняет путника, и к тому же приносит удовольствие, так что какой-то результат будет обязательно. В этой дилемме «делать или не делать» лучше всегда выбирать «делать».

Наш конкурс литературный, но также ещё и исследовательский, я хочу немного подробнее поговорить о второй его части. Хотя мои рассуждения в равной мере можно отнести и к «чистому» творчеству, но всё же говорить на конкретных примерах проще, тем более что это состязание «на тему» об Арктике, и оно в любом случае подразумевает освоение предмета. Между описанием и изучением нет никакого противоречия, это две грани одного процесса, и они вполне могут сочетаться и дополнять друг друга. Я сам по одному роду своей деятельности писал сценарии художественных фильмов, то есть занимался сочинительством, а по другой – изучал историю и создавал документальные работы.

Темой полярных исследований я занялся неожиданно для себя, и поначалу не представлял, во что это выльется. В 2012 году мне предложили участвовать в качестве сценариста в создании документального сериала «Люди, сделавшие Землю круглой», инициатором проекта был Валдис Пельш. Наш проект воплотился в четырёхсерийный фильм о великих, но на тот момент немного подзабытых трансконтинентальных перелётах через Северный полюс в Америку, впервые в мире осуществлённых лётчиками В. Чкаловым, Г. Байдуковым, М. Грозовым, В. Юмашевым. Сериал получился очень удачным и, кстати, если кто его не видел, то очень рекомендую посмотреть, в качестве образца документалистики, современной по форме, сочетающей острый динамичный сюжет с полной исторической достоверностью и качественным видеорядом – таких фильмов очень немного. Моими коллегами по работе стали заслуженный режиссёр-

документалист Юрий Сальников, когда-то, ещё в 1974 году создавший фильм о челюскинцах в соавторстве с Юрием Визбором, и тележурналист Дмитрий Хаустов, женатый на внучке знаменитого лётчика Георгия Байдукова. Ну и сам генератор проекта Валдис Пельш, конечно же. В ходе работы мы изучали архивы и встречались с родственниками Валерия Чкалова и потомками других легендарных героев. Сериал получился замечательный, и на тот момент мне казалось, что тему мы полностью «закрыли», рассказали всё, что могли.

Позже я предложил Валдису Пельшу сделать фильм о неизвестных героях челюскинской эпопеи. Мы начали работать над этим проектом, но в силу разных обстоятельств он не состоялся. Однако у меня остались какие-то наработки, а также интерес к теме. И чем больше я узнавал информации, тем более она меня захватывала. Спустя несколько лет я к ней вернулся, а потом ещё раз. И в результате пришёл к решению написать документальную повесть-расследование «В тени первых Героев. Белые пятна челюскинской эпопеи». По тем событиям существовала масса литературы и, казалось бы, каждый поворот событий хорошо известен. Оказалось – нет, в ходе работы я сделал множество интересных открытий.

В этом году отмечается юбилей – 90 лет гибели парохода «Челюскин» и последующей двухмесячной эвакуации более чем ста человек со льдов Арктики. Моя книга в издательстве «Паулсен» вышла в 2023 году, а написана была ещё на полтора года ранее. Кроме неё у меня есть ещё несколько рукописей на смежные темы, и две книги должны выйти в этом году. Ещё до выхода книги меня пригласили работать консультантом на телесериал «Челюскин. Первые», который снимается прямо сейчас и должен появиться на экранах осенью этого года. Всё это, повторюсь, стало результатом работы над материалами, которые, казалось бы, были всем хорошо известны. Кроме того, я нашёл и новые интересные факты, которые мы упустили при работе над фильмом «Люди, сделавшие Землю круглой», а они могли бы усилить интригу в одной из серий. А ведь я был уверен, что тема исчерпана. Двенадцать лет назад, приступая к написанию сценария сериала, я совершенно не предполагал, что это приведёт к ряду других, интереснейших для меня работ.

Я призываю вас участвовать в конкурсе «Дорога в Арктику». Но в каком-то смысле моя писательская деятельность тоже похожа на конкурс, только в нём нет чётких рамок и определённого жюри.

Современный мир открывает для нас с вами массу новых возможностей, нужно только использовать их правильным образом. Развитие интернета позволило получить быстрый доступ к огромному массиву информации, который стало возможно анализировать с невиданной ранее скоростью. Когда-то исследователю за каждой книгой нужно было идти

в библиотеку, теперь многие из них можно найти в сети. Многие архивные документы доступны онлайн. Раньше какие-то утверждения приходилось принимать на веру, или тратить большие усилия на их проверку, сейчас же она занимает значительно меньше времени. Несомненно, интернет имеет и свои недостатки, он грозит завалами неструктурированной, сомнительной или ложной информации, содержит откровенные фейки. Но с этим можно справиться, всё проверить, отсортировать и проанализировать. С информацией нужно работать. При этом традиционные формы, вроде похода в библиотеку, тоже некуда не делись. Между старыми и новыми нет противоречий, современные технологии позволяют только ускорить процесс, сделать его быстрее.

Есть у развития и обратная сторона – многие старые построения, казавшиеся незыблемыми, при большем объёме фактов начинают разрушаться. Этого не нужно бояться, ведь исследование – это поиск истины, приближение к ней.

С информацией нужно уметь работать. Участие в состязании – это хороший мотив для развития своих навыков. Самых разных. Я призываю конкурсантов к активности – лучше

делать, чем не делать. К внимательности – стараться увидеть то, что другие не заметили. Иметь критический взгляд, проверять факты и утверждения с разных сторон. К осторожности – не торопиться с выводами, не увлекаться, чтобы не уйти в неправильную сторону. И к смелости – не опасаться высказывать неожиданные и спорные мысли. Но чего я точно не советую делать – это придумывать заведомо ложные концепции. Оригинальный взгляд – да, искажения – нет. Нужно искать истину и новые формы, как её показать.

Мы все разные, и именно этим мы ценны для мира. У нас разный взгляд, и нам есть что сказать. Нужно не упускать возможности и для своего развития, и для проявления талантов. Поэтому участвуйте в конкурсе «Дорога в Арктику»! Кто-то в нём, безусловно, победит. Но для многих, я уверен, личным достижением может стать само творческое соревнование, так что выигравших будет больше, чем формальных победителей.

Мы иногда не знаем, куда направляет нас тропа. Но если идти по ней, то куда-то она обязательно нас приведёт.

Удачи!

Ксения ЖУКОВА,

прозаик, драматург, журналист, сценарист, редактор, член жюри конкурса «Дорога в Арктику»

Напутствие:

Путешествовать сейчас... модно. Но почему-то без цели. Вернее, чтобы показать себя во всей красе под лианами или с экзотическими животными. Мы выходим из дома, спешим и совсем забыли, как здорово открывать что-то новое, полезное, а не просто «трендовое». Мы почему-то думаем, что «всё открыто до нас» и не стремимся это опровергнуть. А ведь это не так. Арктика всё также загадочна. Она манит настоящих путешественников и исследователей. Но чтобы отправляться в путь, надо знать своих предшественников. Кто сейчас с ходу назовёт фамилию прототипа героя книги, чей призыв был «Бороться. Искать. Найти и не сдаваться»? «Дорога в Арктику» — не просто дорога. Это судьба и знак. Знак истинного путешественника, настоящего исследователя, не боящегося преград. Для которого откроются те самые сокровенные двери, неподвластные обывателям. Дерзайте! И воздастся.

ЛУЧШАЯ СОСЕДКА

Я всегда любила осень. Правда, всегда! Осенью все приезжают, и все такие другие какие-то, инопланетяне просто. И ты со всеми заново знакомишься будто. И заново привыкаешь к дому, ходишь по комнатам, всё незнакомое. И ведь правда: раковина появилась на полочке. Её не было. Это Дима Пяточкин с моря привёз. И подарил мне и Аньке. У Аньки, конечно, раковина больше. Но ведь это и правильно. Анька сама выше меня на целую голову.

Осенью можно собирать листья. Осенью бывает «бабье лето», и тогда можно поехать купаться. Мы уже так делали не раз. Осенью мы почему-то часто ходим в зоопарк. И там обязательно едим бутерброды с котлетами. Это уже как традиция. И осенью всегда случается что-то хорошее.

Главное событие этой осени — то, что бабушка теперь живёт с нами.

Да, да. В моей комнате.

Так получилось: бабушка продала дачу.

Это называется — семейные обстоятельства.

Мне заранее об этом почему-то не говорили. То ли сюрприз хотели сделать, то ли боялись, что я буду против и откажусь освободить комнату. Родители ведь сначала думали, что я перееду к ним, а бабушка поселится у меня. Только

вот она сразу сказала, как только мы в квартиру вошли:

— Если не возражаете, я хотела бы жить в комнате с Юлей.

И добавила:

— Юля, ты как? Ничего не имеешь против такого соседства?

Ну и бабушка!

Стала бы я возражать.

К тому же, она оказалась мировой соседкой!

Во-первых, незаметно для меня она сделала нашу комнату очень уютной и аккуратной. Такую жалко портить! А мама уже не шутила, что у меня (у нас с бабушкой) колготки на люстре опять повисли. В комнате теперь два человека, но совсем не тесно. Бабушка волшебным образом расширила наше пространство (эту фразу я подчеркнула из одной умной статьи про интерьеры). А ещё с ней можно пошептаться перед сном. И болтать обо всём на свете.

Разве что кроме той истории с Маргаритой.

Я её не забыла.

Бабушка как-то быстро сворачивала все разговоры на эту тему, ну, про ту ночь, про больницу.

А я ей до сих пор не сказала, что сбегала два раза, а вовсе не собирала ягоды.

Ксения Жукова «Летние побеги», Издательство «Пять четвертей», 2021 <https://www.labyrinth.ru/books/792406/>

ВЕНЕЦ РУССКИХ МОРЯКОВ: СУДЬБА И ПОДВИГ СЕМЁНА ЧЕЛЮСКИНА

НАЧАТОЕ СВЕРШИТЬСЯ ДОЛЖНО! Таков был девиз Семёна Ивановича Челюскина – путешественника, который продвинулся на Север дальше всех в XVIII веке и стал первооткрывателем самых северных рубежей Евразии. Он не изведан прижизненной славой – и потому о его жизни, о его характере мало что известно. К счастью, сохранились походные дневники путешественника – и по ним можно судить не только о его достижениях первопроходца, но и о его, без преувеличения, стальных нервах.

Мы не знаем точной даты рождения великого моряка. Это неудивительно. Люди того времени не придавали большого значения таким датам и своих «дней рождения» не отмечали. Ориентировочно принято называть 1700 год. Место рождения Челюскина тоже известно лишь приблизительно – это либо село Борищево Калужской губернии, либо в Белёвском уезде, под Тулой. И там, и там, в родовых имениях, он, скорее всего, жил в детские годы. И в Туле, и в Калуге путешественника почитают, считают своим уроженцем, великим земляком – и вполне заслуженно.

«Род Челюскиных (во многих документах XVII века эта фамилия значилась как Челюсткины) имеет старинное происхождение. Предки Семёна Челюскина служили воеводами, были объездными и «письменными головами», стольниками и стряпчими», – пишет биограф штурмана В.В. Богданов.

Дед и отец путешественника занимали заметное положение среди московских стрельцов. Первый дослужился до чина стрелецкого головы – то бишь, полковника. Второй был стольником. При Петре I Иван Челюскин, как и многие видные стрельцы, попал в опалу – слава богу, избежал казни и далёкой ссылки. И осенью 1714 года юный Семён Иванович был зачислен в Школу математических и навигацких наук, которая располагалась в Сухаревской башне. Сын опального дворянина жил бедно. Завершить учёбу он сумел, только получая помощь от государства. И всё-таки отметим: род Челюскиных от Петра пострадал, но самый знаменитый в будущем его представитель связал свою семью именно с петровскими начинаниями. С флотом, с освоением русского Севера.

Он поступил на службу на Балтийский флот. Служил самоотверженно, проявил себя как справный моряк. Неудивительно, что ему – способному, испытанному моряку – доверили важную миссию в Великой Северной экспедиции. Сыграла роль и физическая сила, выносливость, которой отличался молодой морской офицер.

Челюскина назначили штурманом в отряд Василия Прончищева, которому было поручено исследовать северные берега от Лены до Енисея. Сорок пять смельчаков отправились на корабле «Якутск» на Север, в неизведанные края. Их ожидала череда открытий. Челюскин каждый день прилежно вёл дневниковые записи этой экспедиции, отвечал и за описание береговой линии. На льдах они увидели много медведей, которые, как записал Челюскин, «якобы какая скотина ходит».

Вместе с ними была и жена Прончищева – первая европейская женщина, трудившаяся в Арктике. Её жизнь унесла

цинга. Неизлечимо заболел сам Прончищев. Отряд остался без командира. Его похоронили в мерзлоте, в устье реки Оленёк. Челюскин подробно рассказал о случившемся в своём рапорте Берингу. Смерть Прончищева и его жены не остановила героев. Челюскин подхватил упавшее знамя и возглавил экспедицию.

Местные власти обязаны были во всём помогать путешественникам. Ведь они – святое дело! – выполняли государев наказ. Но местная бюрократия действовала нерасторопно, а порой и корыстно. Снабжали отряд Челюскина скверно, бойкотировали его приказы. Так случилось в Селтяхском зимовье на Лене. Там местный начальник, сборщик податей, не выдал Челюскину подвод и даже запретил местным жителям помогать экспедиции. Челюскин был вынужден через посольных жаловаться Берингу.

В чём главная трудность таких путешествий в XVIII веке? Ни у кого не было опыта многодневных северных экспедиций. Даже из книг мало что можно было почерпнуть. Не приходилось ждать дельных советов от медиков. Не было и продуманной амуниции. Первые полярники шли на Север неподготовленными – и потому многие останавливались на полпути.

Поразительна целеустремлённость штурмана Челюскина. Из какой стали он был создан? Где и когда Челюскин поклялся перед самим собой идти на Север, не считаясь с природой, с иссякающими силами? У него в запасе не имелось даже сухарей в достатке, зато было не счесть благовидных предлогов повернуть назад, перезимовать в каком-нибудь более-менее обжитом северном острове, честно поработать там и вернуться домой за наградами. А он, как одержимый, всё продолжал и продолжал свой опасный путь. Под угрозой смертельной болезни! Казалось, он скорее превратился бы в ледяной столб, чем повернул вспять.

5 декабря 1741 года начался легендарный поход Челюскина – яркая эпопея в истории покорения Арктики. Пятидесятиградусный мороз не остановил путешественников. В конце марта 1742 года экспедиция разделилась. Одна группа, гружённая провиантом, вышла в направлении моря. Сам Челюскин отправился строго на север. Ещё одна группа под руководством якута Никифора Фомина отправилась в устье Нижней Таймыры, чтобы оттуда замкнуть круг, следуя западным берегом полуострова.

Челюскина во всех переделках сопровождали ближайшие соратники – солдаты Антон Фофанов, Андрей Пращов и Александр Горохов.

В первый день пути он записал в походном журнале:

«Погода чистая и сияние солнца. Сего дня пополудни в первом часу выехал из города Мангазейска (одно из названий Туруханска – Ново-Мангазейск, прим. автора) на собаках на пяти нартах на реку Хатангу и того же числа переехал тридцать вёрст. Утра пополуночи в девятом часу приехал к реке Акутихи (Котуй? – прим. автора), где за худостью собак остановился».

Памятный знак на мысе

Ночевал он только через три дня, проехав сто километров. Остановился в Токуревом зимовье. Там он дал отдых собакам и получил оленей, на которых и продолжил свой путь.

То на собаках, то на оленях они преодолевали по тридцать километров в день. Путешествие от Туруханска до Хатанги продолжалось больше восьмидесяти суток. Там путешественники наконец-то запаслись провизией и кормом для собак.

Оттуда Челюскин двинулся к мысу Св. Фаддея. Но и на этом не успокоился. Откуда только брались силы? Выполняя описи, Челюскин и его соратники прошли по Таймыру более семи тысяч километров.

1 мая 1742 года отряд дошёл до мыса Св. Фаддея, откуда продолжил путь к северу. Записи командира становились всё суровее: «Стало... ехать невозможно за великою метелью и стужей», «Погода мрачная, снег, метель, туман, ничего не видно». Ко всему привыкшие северные собаки не выдерживали пути. Однажды Челюскину удалось пополнить запасы, пристрелив белого медведя. Это было 6 (20) мая 1742 года при «погоде чистой и сиянии солнечном», Челюскин вычислил географическую широту точки остановки – $77^{\circ}27'$ с.ш. Тот день запомнился как один из самых счастливых. Он не ныл. Жалел только собак и оленей.

«И тут стал для отдыха собак, понеже собаки стали худы и безнадежны», – писал Челюскин. Этот железный человек никогда не жаловался только на собственное нездоровье... Невероятная выносливость, беспримерное чувство долга, не дававшее путешественнику права на отступление.

9 мая челюскинцы достигли мыса, от которого берег резко поворачивал на юг. Это был самый северный участок Таймырского полуострова. Вот когда можно было крикнуть: «Эврика!» Там командир установил бревенчатый столб – маяк. К брёвнам путешественники относились с особым чувством: в снежной пустыне им не хватало леса, и каждое брёвнышко считалось важной и желанной находкой.

В дневнике Челюскин так описал этот исторический день:

«Погода пасмурная, снег и туман. В пятом часу пополудни поехал в путь свой. Приехали к мысу. Сей мыс каменной, приряой, высоты средней, около оною льды глаткие и торосов нет. Здесь именован мною оный мыс: Восточный Северный. Поставил маяк – одно бревно, которое вез с собою».

На мысе они пробыли чуть больше часа – и направились по берегу полуострова к устью реки Таймыры.

Остро не хватало продовольствия и дров. Иссякали силы. Но назад пути не было.

Харитон Лаптев, находившийся на берегах Дудинки, с тревогой ожидал Челюскина... И, будучи человеком предусмотрительным, выслал ему навстречу нескольких казаков и якутов с продовольствием. Трое суток челюскинцы шли, преодолевая сильную пургу, почти без отдыха. Тут-то и пригодился принцип Челюскина: «Начатое свершиться должно». Снисхождения к себе он не знал.

Наконец герои встретились с посланцами Лаптева. Стало легче. На устье реки Таймыры в зимовье местного охотника Никифора Фомина, удалось снова пополнить припасы

и отогреться. 25 мая 1742 года Челюскин записал в журнал:

«В 6 часу поехал в путь свой через тундру к реке Дудыпте по описанным румбам лейтенанта Лаптева, а описывать тундру за поздним временем оставил, чтоб пути нашему не учинить медленности, понеже она тундра лейтенантом Харитоном Лаптевым описана, ехал всю ночь».

Путь, полный открытий, завершился. Но идти ещё предстояло долго – правда, в относительно комфортных условиях. С Лаптевым Челюскин соединился только в конце июля, в Туруханске. Свою задачу штурман выполнил – опись береговой черты Таймыра была готова. Михаил Васильевич Ломоносов составил географическую карту, на которой был указан мыс, описанный Челюскиным, а на северо-востоке континента пунктирной линией великий учёный обозначил уходящий к полюсу неисследованный «Чукотский нос».

Наградили героя скуповато. В отставку он вышел в чине капитана 3-го ранга, без орденов и пенсионов. Челюскин тихо доживал свои дни в скромном имении под Алексинем, вёл хозяйство. Возможно, нашёл тихое семейное счастье. Наверное, вспоминал о своих путешествиях в снежной пустыне, вспоминал о море... Но после невероятных арктических испытаний здоровье его было подорвано, вернуться на службу легендарный штурман не мог. Прожил он сравнительно долго – около 65 лет. Известно, что умер капитан третьего ранга Семён Челюскин в ноябре 1764 года. А вот место его захоронения остаётся тайной. Скорее всего – неподалёку от Алексина, в одном из приокских сёл.

Прошли десятилетия. Смерть прибрала всех соратников Челюскина, всех, кто лично знал мореплывателя. Громкой славы у него не было. А в начале XIX века потомки относились к наследию Челюскина скептически. Только спустя век стало ясно, что Челюскин совершил одно из основополагающих географических открытий.

Слишком фантастическим казался подвиг полярника, не имевшего должной оснастки. Поэтому сведениям Челюскина (да и Лаптевых) не доверяли. Даже такой выдающийся полярник и моряк как Фердинанд Петрович Врангель, отдавая должное мужеству Челюскина, не верил в его глубокое проникновение на север Таймыра. Считал, что такой поход выше человеческих сил.

Подвиг мореплавателей и землепроходцев XVIII века сполна сумел оценить только замечательный летописец русского флота Александр Петрович Соколов (1816–1858). Этот историк сам заслуживает исторического исследования! Он писал о Лаптевых и Челюскине:

«Ни больших выгод им не предвиделось, ни большой славы себе они не могли ожидать, между тем, исполняя суровый долг, совершали такие чудесные подвиги, каких очень немного в истории мореплавания».

Соколов первым вернул доброе имя Семёну Ивановичу Челюскину. Великий мореплыватель, наконец, получил широкую известность.

Немало сделал для восстановления справедливости выдающийся русский учёный, академик Александр Фёдорович Миддендорф (1815–1894).

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ,

заместитель главного редактора журнала «Историк»

По материалам сайта: goarctic.ru

Александр Фёдорович Миддендорф

Сергей ОВЧИННИКОВ

ВАРЕНЬЕ ИЗ ОДУВАНЧИКОВ

Савин проснулся среди ночи оттого, что зазвонил его телефон, поставленный с вечера в режим «будильник». Савин лишь накануне вернулся в столицу – прожил у родителей в провинции неделю, успел отвыкнуть вставать рано. В Москве всю ночь дрожали оранжевым светом фонари, машины продолжали ездить, столица никогда не спит. Савин полежал ещё с минуту и принялся умываться, собирать дорожную сумку, думая об Алине. В последнее время их отношения разладились, это Савина сильно тревожило. С него спали очки романтической влюбленности, Алина иногда вызывала у Савина раздражение. «Пена Афродиты», очарование юности сползли с Алины – лицо её стало жёстче, характер начал портиться. Савин увидел их совместную жизнь во всей жестокой механике: большая разница в возрасте, сумасшедший темперамент Алины, раздельное проживание – у девушки должна была появиться своя жизнь, тут он ничего поделать не мог. В Москву Алина переезжать не хотела, Савину же, в свою очередь, казалось тесно в Севастополе. Алине хотелось построить карьеру, а у Савина время на раздумья заканчивалось, нужно было создавать семью, заводить детей, оставив Алину. Окажись на её месте другая женщина – он давно бы это сделал. Но её он когда-то вырастил, сроднился с ней и чувствовал ответственность за неё. Одна только мысль о расставании с Алиной вызвала у него болезненные спазмы в голове и желудке.

Вынырнув из задумчивости, Савин вызвал такси. На МКАДе долго стояли в пробке, едва успели в Домодедово к окончанию регистрации. После паспортного контроля Савин минут десять искал свой «гейт» в блестящих мрамором залах воздушного порта. Объявили посадку, Савин вошёл в салон «Аэрбаса», самолёт разбежался, вздрагивая на стыках бетонных плит взлётной полосы, быстро набрал высоту, разрывая туман апрельской ночи. За облаками начинался рассвет, спустя десять минут из-за края Земли показалось солнце. Савин смотрел на него и думал, что лишь Господь, солнце, море и горы не предают, оставаясь неизменными, на них и нужно рассчитывать, потому что люди слишком переменчивы. «Тем более женщины, – уточнял мысленно Савин, разглядывая в иллюминатор ярко-белую вату плывущих внизу облаков. – Женщины вроде бабочек на солнечной стороне жизни. Сегодня она есть, а завтра улетела. Никто же не требует обязательств от бабочек!»

Сидящие рядом пассажиры дремали, Савину не спалось, он выдвинул из спинки впереди стоящего кресла раскладной столик, поставил на него свой ноутбук, принялся тихонько стучать по клавиатуре, готовя для своей газеты новый очерк. Шёл 2014 год, все журналистские работы Савина были о Крымской весне.

Через два часа самолёт приземлился в аэропорту Симферополя. Взяв такси, Савин поместился на переднем сиденье машины, где удобнее было разговаривать с водителем, разглядывая изумрудную зелень крымских предгорий, мимолётные татарские деревни, слоистый пирог плывущих вдаль известковых гор. На обочинах дороги цвёл миндаль и крымские маки. Вскоре машина мчала уже в Севастополе. Шумел белый город, от железнодорожного вокзала доносился «Марш славянки», встречающий и провожающий поезд. Возле знакомого дома, где Савин в лихих 1990-х прожил четыре года, его ждала Алина. В 1990-х она волею случая оказалась соседкой Савина – голодная девочка двенадцати лет, дочь сильно пьющей женщины, вскоре умершей от болезней. Четыре года Савин помогал девочке выжить: одевал, кормил, заставлял учиться, остерегал от ошибок. Повзрослев, Алина решила, что Савин должен стать её первым мужчиной. Савин тоже полюбил её, после возвращения в Москву не прекращал помогать ей, часто приезжал в Севастополь, купил ей машину, отремонтировал квартиру, по его протекции Алина училась на факультете журналистики в Симферополе, ведь она хотела говорить с любимым на одном языке.

Вскоре Савин, до этого думавший о возвращении Крыма в Россию, о запущенных дорогах полуострова, о его разбитых тротуарах и ветхих домах, оставил дела государственные. Он целовал атласную шею и запрокинутое лицо Алины с её яркими, припухшими от неумности губами. Волны сладкой истомы накрывали его, сознание менялось, как в засобиившей Матрице, бренность и вечность менялись местами. После объятий Алина ускользнула в душ, а Савин переместился на кухню, чтобы подкрепиться. Кроме котлет, салатов, он обнаружил на столе кастрюльку с какими-то варёными лепестками.

– Что это? – спросил Савин, когда его душечка появилась в дверях.

– Варенье из одуванчиков, – сказала Алина, вытирая мокрые волосы полотенцем. – Врач посоветовал. Помогает от мастопатии.

– У тебя с этим проблемы?

– Да, грудь немного болит. Врач сказала – пройдет, когда буду кормить ребёнка...

– И пора уже, – кивнул Савин. – Тебе скоро тридцать! Откладывать больше нельзя. Поедем сейчас к морю, там поговорим.

Они отправились на крошечном автомобильчике Алины к Артиллерийской бухте Севастополя. Отметили встречу за столиком знакомого ресторана, с веранды которого хорошо просматривалась бухта, причал, набережная. Савин заказал себе жареную барабульку и массандровское вино, Алине же – она в тот день вызвалась быть водителем, – чай и пирожные. Алина тараторила, жаловалась на своих украинских друзей, которые после присоединения Крыма к России отказывались с ней общаться:

– Я для них теперь «русня», «ватник», «колорад»! Они говорят, что русские не могут жить мирно, говорят, что нам всё время нужно с кем-то воевать, что-то захватывать! Достал, говорят, ваш Третий Рим, коммунизм, социализм... Ещё и «русский мир» придумали!

– Теперь у вас дружить не получится, – прервал её Савин. – Крым они нам не простят. Расскажи лучше, как ты живёшь без меня?

– Что ты имеешь в виду?

– Личная жизнь...

– Моя личная жизнь – это ты. А в остальном... Зачем тебе копаться в моём нижнем белье? Тебе от этого будет легче? Я же тебя не вижу неделями!

– Может быть, тебе лучше сразу выйти за сверстника? А мы с тобой останемся друзьями, родственниками...

– Я тебя люблю! – испуганно прошептала Алина, сжав его пальцы. – А остальное – это так, мимо сердца!

– Но ты привыкнешь так жить! Будешь мне всё время изменять... Мне сорок шесть лет! Сейчас я ещё в порядке, но скоро начну стареть. Сегодня нам нужно определиться – или ты переезжаешь ко мне в Москву, или... В Москве возьмём в ипотеку хорошую «трёшку», сюда будешь прилетать когда пожелаешь. Теперь Крым российский, проблем не будет.

– Мне в Москве не жить без солнца и моря! Там холодно! Полгода зима! Всю жизнь сидеть на антидепрессантах?

– Ладно, оставайся здесь, но роди мне ребёнка. Мне сорок шесть, ты понимаешь это? Ещё немного и мне будет поздно! Рожать малышка для будущего сиротства?

– Хорошо, – слёзы появились на глазах Алины, – хорошо! Как только, так сразу распишемся! А вдруг я бесплодная? Вот грудь у меня болит...

– Ну конечно, бесплодная, – усмехнулся Савин. – Просто я хорошо предохранялся! Не хочу аборт. Дай сюда вино! Теперь тебе пить нельзя! И сигареты – в мусор!

Алина перестала есть, прижимала салфетку к своим сияющим влажным глазам, сокрушённо хмурилась, впадая в задумчивость. Савин же чувствовал прилив сил, на него обрушились эмоции, он

так давно мечтал о ребёнке! Теперь эта мечта приблизилась, пусть Алина и задавала много вопросов, на которые Савин ещё не знал ответа: «Где же мы будем жить?» «Ты кого больше хочешь, мальчика или девочку?» «Нам хватит на ребёнка денег?»

Вечером Савин уже с новым чувством целовал бархатную шею Алины, её руки, звучные губы. Трогал её впалый живот, в котором должна была зародиться новая жизнь. Его настроение изменилось, вернулось ощущение душевной близости с Алиной, появилось много новых забот. Сейчас, например, он высчитывал подходящие для зачатия сроки, думал, когда удобнее снова прилететь в Севастополь.

Едва Алина уснула, Савин вышел на улицу. Сел в машину, покатил на площадь Нахимова, где люди продолжали праздновать «возвращение Крыма в родную гавань». На огромном телевизионном экране транслировали эпизоды этого возвращения. В прошлый раз Савин прилетал в Севастополь как раз 18 марта – такого ликования, как в тот день, никогда раньше и позже не видел. Люди на площади буквально рыдали от счастья, кричали, прыгали от радости, танцевали! Савин тоже был счастлив, но его не оставляло чувство тревоги, уж слишком легко всё получилось, это казалось подозрительным. Вскоре тревога лишь укрепилась – в конце апреля началась военная эпопея Донбасса, но Россия не торопилась присоединять Донецк и Луганск...

На другой день утром Савин и Алина отправились на мыс Фиолент.

– Хочу запомнить и заснять его прежним, – сказал Савин. – Теперь его застроят дачами, закатают в асфальт. Знаешь, во что Адлер и Сочи превратили?

Засвистели по гравиям колёса их автомобиля, впереди пылил автобус, на остановке его только что брали штурмом престарелые дачники. Щебенистая дорога на Фиоленте лежала в рытвинах, Крым находился в блокаде, мост в Керчи лишь планировался, асфальта и гудрона пока ещё не хватало.

Перекрестив лбы в монастыре Святого Георгия, Алина и Савин двинулись вниз по знаменитой лестнице. Укрытая от северного ветра отвесным склоном благодатная местность эта в солнечную погоду радовала теплом. Даже зимой тут на солнце зеленела трава, летали пчёлы и бабочки, грелись на камнях ящерицы. От древних ступеней открывался вид на громадное пространство внизу, обрамлённое горами, сияющее от морских бликов, пропитанное светом и запахом крымских трав.

После обеда Савин с Алиной гуляли по севастопольской набережной – ему хотелось увидеть теплоход у пирса, танцующий фонтан в парке, весёлых танцующих людей. Разноцветные флаги на мачтах катеров, спящих в бухте, тоже качались и танцевали. Алина рассказывала про свою февральскую командировку в Киев:

– Ты знаешь, я много там плакала! Мой любимый Киев был в центре весь обгорелый! Закопчённые стены, гарь в воздухе, разрушенные мостовые! И над всем этим непрерывный звон колоколов Печерской Лавры, как будто начался Апокалипсис!

– Это и было его начало, пока только для славян, – комментировал Савин. – Никто не подумал, как дорого за всё придётся платить, наркотик свободы действовал. В прямом и переносном смысле. Говорят, в бесплатный чай на киевских улицах добавляли амфетамины. Ты не пробовала?

– Нет, – потупилась Алина. – Представь непрерывный звон с колоколен, запах нечистот, вонь горелой резины и ... трупы! Я сама видела тела двух парней! Это ужасно!

– Начало оккупации, – пробурчал Савин, глядя, как посреди бухты ныряют бакланы. – Украину оккупировал новый мировой порядок, а мы ещё держимся, хотя некоторые твои сверстники предпочли бы сражаться на противоположной стороне...

Вышли к причалу Графской пристани. Тихо бормотал что-то двигатель катера, перевозящего людей с южной на северную сторону Севастополя. Бетонный причал смягчили привязанными к нему автомобильными шинами. За спиной возвышались «дорические» колонны, от которых начиналась знаменитая лестница. Напряжение двух дней в Севастополе, наконец, дало о себе знать, Савин вдруг захотел спать.

На другой день ему предстояло вернуться в Москву, оставалось четыре часа свободного времени. Алина угостила Савина встретиться с её знакомыми журналистками из Симферополя. Ожидая их, Савин и Алина загорали на берегу моря в Херсонесе. Рядом стояли остатки разрушенной византийской базилики, изредка позванивал отлитый из турецких пушек двухсотлетний колокол, висящий на краю обрыва. Херсонес часто окликал Савина в Москве, погибший городок этот оставался важной частью его внутреннего мира. Сейчас тут под апрельским солнцем волновалось холодное море, которое выбрасывало на берег черепицу Второго Рима. Савин взял себе несколько кусочков на память. Алину вызвали подружки, договорились встретиться в античном дворике у входа в археологический музей. Там уже цвели розы, зиял темнотой провал монетного двора, за кипарисами главной аллеи виднелась башня Зенона.

Чтобы не мешать экскурсантам, Савин увлёк всю компанию в древний театр Херсонеса. Теперь это был единственный античный театр на территории России. Когда-то греки-ромеи ставили здесь трагедии Софокла и Эврипида, римляне проводили гладиаторские бои. Сейчас русские девушки расселись на каменные скамьи театра, нужно было сказать им что-то важное. После журналистского «мастер-класса», Савин зачем-то принялся рассказать о русских писателях, связанных с Херсонесом и Севастополем.

– Пушкин, Толстой, Чехов, Горький, Бунин, Вересаев, Волошин, Набоков, Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Паустовский, Крапивин... Почти все, кого я люблю в русской литературе, связаны с этой землёй, – говорил Савин. – Херсонес и Севастополь, словно код распознавания безошибочно показывает кто перед тобой. И дело тут не только в литературе. Пусть некоторые столетние журналисты говорят, что принятие православия – ошибка князя Владимира. Сюда приезжают те, для кого важно, что здесь, по этим камням ходил Андрей Первозванный! В здешней бухте, сейчас её называют Казачьей, в 101 году от Рождества Христова был утоплен язычниками римский папа Климент. Есть версия, что именно над его мощами крестился князь Владимир, потому что в X веке не было ещё разделения христианства на католичество и православие. После крещения князь Владимир забрал часть мощей Климента в Киев, завещая похоронить себя в Десятинной церкви рядом с ними. А другую часть мощей отвезли в Рим достопамятные монахи Кирилл и Мефодий – в Риме тогда провели службу на славянском языке...

– Помедленнее, мы записываем, – смеясь, кричали девчонки. Кажется, они уже успели продегустировать где-то продукцию Массандры. Поэтоту Савин заторопился:

– Все наши главные писатели были здесь! Чехов приезжал в Крым из Москвы поездом, высаживался в Севастополе, а уже отсюда добирался на лошадях в Ялту. Севастополь запечатлён в его рассказе «Чёрный монах». Рассказ получился грустный, потому что Чехов тяжело болел, но вообще-то здесь место счастья очень многих людей! Бунин писал, что испытывал абсолютное счастье только один раз в жизни – в Севастополе, на Приморском бульваре. Вот и моё счастье тоже гнездится здесь, – улыбался Савин, обнимая Алину.

Откланявшись, журналистки пошли прогуляться в центр Севастополя, а Савин ещё с минуту оставался на улице Херсонеса. Закрыв глаза, впитывая кожей холодный ветер и горячее солнце, он впал в транс, пытаясь проникнуть в будущее. Иногда, в особые дни, он видел его вполне отчётливо. Когда сейчас, приходя в себя, Савин обернулся к Алине, она собирала в пакет головки молодых одуванчиков.

– Прежде чем варить, – сказала Алина, отряхивая жёлтую пыльцу с пальцев, – их надо вымачивать, чтобы изгнать горечь.

Савин вздрогнул, достал записную книжку и внёс туда огрызком карандаша то, что почувствовал: «Война впереди. Погибнет миллион человек. Двенадцать лет крови, озлобленности меж Россией и Украиной. Нам всем придётся учиться изгонять из души горечь...»

Виктор ЛИВЦОВ,
профессор, доктор исторических наук

ВОЛШЕБСТВО ВЕРХНЕОЧЬЯ

Верхняя Ока и её исток

(Продолжение следует)

Во второй половине 1-го тысячелетия нашей эры на смену балтам на верхнюю Оку пришли славяне. Но культура балтов не исчезла, а слилась со славянской. Славяне сохранили и балтские названия рек и озёр.

Ниже по Оке от устья Угры и Жиздры и за водоразделом Верхней Оки и Дона жили фино-угорские племена. Территория племён говорящих на финно-угорских языках, простирается от Западной Сибири до Центральной, Северной и Восточной Европы. И сейчас в бассейне Оки и Волги проживает фино-угорский народ – мордва, обитающий в Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Самарской и Московской областях. Мордва предположительно впервые упоминается ещё в трактате «О происхождении и деяниях гетов» готского историка VI века нашей эры Иордана. В этом труде среди народов Восточной Европы, которые как утверждается были покорены легендарным германским конунгом (князем) Германарихом к 375 году нашей эры упоминается народ

«морденс», в котором историки видят именно мордву.

Южнее истока Оки древние балты граничили со скифами, исчезнувшим ныне кочевым ираноязычным народом, существовавшим в период с VIII века до нашей эры до IV века нашей эры. По имени кочевников – скифов степной простор от Дуная до Дона греки именовали Скифией. Многие историки склоняются к мнению, что само название «скифы» происходит от индоевропейского корня и означает «стрелок» или «лучник». И действительно скифы имели прекрасные луки и хорошо стреляли, наводя ужас на всю Азию. Врагов же они в соответствии со своей «скифской стратегией» заманивали вглубь своей страны, и, применяя тактику «выжженной земли», постоянно совершали дерзкие набеги, истощая врага. Перед ними склонялись даже грозные цари Ассирийской военной державы. Свободолюбивых скифов не смог покорить ни величайший царь Персии Дарий Первый, ни великий Александр Македонский.

Скифский-царь Скилур –
реконструкция по черепу (М.М. Герасимова)

Прищурив меткий глаз, проворный скифский воин,
Пригнувшийся к коню, свою наметил цель,
Натянут гибкий лук, но гордый перс спокоен,
Не чувствует конца: в крови вчерашний хмель,

Вдруг пение стрелы его покой прервало,
Напрасный взмах руки, хватающей кинжал,
Кровь алою струей из раны побежала,
Издав он смертный вскрик и верный конь заржал.

А скифский воин вновь в родные канул степи,
Не захватить его и не нагнать врагам,
Летит лишь ветер с ним и рвёт неволи цепи,
И солнце в высоте венчает мира храм.

Внешне лесостепные скифы были похожи на своих родственников иранцев. У них было узкое лицо и крупный нос с горбинкой. В отличие от греков они всегда коротко стриглись. Греческий врач «отец медицины» Гиппократ так описывает их: «скифы отличаются толстым, мясистым, нечленистым, сырым и немускулистым телом; живот у них в нижней части отличается чрезвычайным избытком влаги... Благодаря тучности и отсутствию растительности на теле ... похожи друг на друга, мужчины на мужчин и женщины на женщин ... скифское племя – рыжее».

Геродот сообщает о трёх сказаниях о происхождении скифов. Одно из них таково: «Первым жителем этой ещё необитаемой тогда страны был человек по имени Таргита. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена. Такого рода

был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксай, Арпоксай и самый младший – Колаксай. В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошёл, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но, когда подошёл третий, младший, брат, пламя погасло, и он отнёс золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему. Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев царя – племя паралатов. Все племена вместе называются скелотами, то есть царскими. Эллины же зовут их скифами». Скифы исчезли, растворившись в вихре разноплеменного Великого переселения народов, оставив свои грандиозные курганы полные изящных золотых изделий, которые до сих пор находят археологи. Скифами же греки стали именовать любых жителей степной и лесостепной полосы юга восточной Европы.

В V–VII веках бассейн Верхней Оки впервые заселяется славянами – земледельцами и скотоводами, так называемой Колочинской культуры, представители которой жили на огромной территории современной Восточной Украины и Восточной Белоруссии, а также на месте нынешних Орловской, Брянской, Курской, Белгородской, Смоленской, Липецкой и Тамбовской областей. Предполагают, что именно эти племена византийские греки называли антами.

Некоторые историки считают, что это легендарные дулебы, которые при их князе Боже (или по-другому Бусе), который упоминается в Слове о полку Игореве, нанесли поражение вторгшимся с запада германским племенам готов, во главе с их конунгом Германарихом Амалом, но потом были разгромлены его внучатым племянником Винитарием (Витимиром). Любопытно, что дулебами ещё в прошлом веке называли жителей Болховского уезда Орловской области. Жили эти славяне, в основном, вольготно, не ожидая нападений в неукреплённых селищах. Укреплённые городища – убежища были малочисленны. Селились колочинцы на невысоких холмах, у воды, группами поселений состоящих из полуземлянок с одним центральным опорным столбом каждая, на который опиралась крыша. По 5-8 в группе. Между группами поселений было значительное расстояние. Такие поселения обнаружены недавно, например, на территории Орловского городского сада на берегу у реки Оки. Их женщины носили голове украшения – пластинчатые венчики в виде лент, в волосы вплетали спиральные височные кольца, на шею вешали гривны. Покойников сжигали и хоронили в курганах. Но к концу VII века колочинцам стали досажать степные кочевники. Именно тогда славяне стали зарывать у берегов рек, в том числе Оки так называемые «антские клады».

Восьмом веке нашей эры, Верхняя и Средняя Ока начали заселяться славянами – вятичами. Они занимали территории, на которых в настоящее время располагается целый ряд областей: Орловская, Мо-

сковская, Брянская, Калужская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Воронежская и Липецкая.

Название это племя получило от имени родоначальника – Вятко, что было уменьшительной формой от славянского имени Вячеслав – образованного от основ двух слов древнерусского языка: вяще (вяче) то есть «больше, лучше» с прибавлением слова слава, что вместе означало «более славный». И было оно княжеским, и не просто именем, а и титулом. Простым селянам давали имена попроще. Любопытно, что само это имя больше типично для Западной Европы. Ведь в католические святцы оно вошло благодаря покровителю Чехии святому Вячеславу (Вацлаву). А на Руси его считали языческим и мало употребляли до конца XIX века, когда оно снова стало популярно из-за роста интереса к древней русской истории.

Не удивительно, что это имя западное, поскольку пришли вятичи во главе со своим вождём Вятко, согласно летописной легенде, с территории Польши (от ляшских земель). В «Повести временных лет» мы читаем: «Были ведь два брата у ляхов – Радим, а другой – Вятко... а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили своё название вятичи».

Правда в наше время многие лингвисты возводят название племени не к имени, а к праславянскому корню «вет», что означает «большой». Что связывает это обозначение с такими именами племён, как упоминаемые Геродотом венецы, которые жили к востоку от Вислы (там же где предки летописных вятичей) или известные всем германцы вандалы.

Помимо «Повести временных лет», вятичи упоминаются (как Внтит или Вантит, Ваит) в более раннем источнике 960-х годов – письме хазарского царя Иосифа сановнику Кордовского халифа Хасдаю ибн Шапруту. Дело в том, что в IX – середине X века вятичи были подчинены Хазарскому каганату, государству, созданному тюркским кочевым народом – хазарами и существовавшему в 650-969 годах. Каганат контролировал территорию Предкавказья, Нижнего и Среднего Поволжья, современного Северо-Западного Казахстана, Приазовье, восточную часть Крыма, а также степи и лесостепи Восточной Европы до Днепра. Центр государства первоначально находился в приморской части современного Дагестана, позже переместился в низовья Волги. Элита этого государства приняла иудаизм. Долгое время иудейская Хазария соперничала с исламским Арабским халифатом в борьбе за господство в Закавказском регионе. Вятичи же подчинялись хазарам номинально и выплачивали Хазарии небольшую дань по шелягу (предположительно, серебряной монете) с сохи – рала (то есть с одного мужчины-работника) и по белке с дыма (семейного очага).

Водораздел рек Оки и Десны являлся для вятичей их юго-западной границей. Затем их граница шла вдоль долин Угры и Оки вплоть до впадения реки Москвы в Оку, минуя бассейны Протвы и Нары. Таким образом, город Москва стоит у границы племени и в древности никакой столицей племени не был. В том и её великая скрепляющая сила. Этот пограничный межплеменной населённый пункт склеил впоследствии восточно-славянский юг с севером.

Андрей ТЕРНОВ

Родился в г. Луховицы. С четырёх лет живёт в г. Кашире. Начал писать стихи с 10 лет. Окончил МГУПИ по специальности "инженер-программист" и аспирантуру. С 2013 г. руководитель литературного объединения "Зодиак". Член Союза писателей России (Московская городская организация). Автор нескольких книг стихов

«БЫВАЕТ СТРАШНО — СТРАЖА НАЧЕКУ...»

ВОБЛЯ-РЕКА

По щеке — по земле покатила слеза,
Словно голою правдою режет глаза.
И раскованно воплем даёт по ушам
Вобля*! Реченька!

Так матерится душа...

Не сдирают за имя скабрзную дань,
И не станет безбожною милая брань,
Неприлично звучит, а встречает,
как мать,
Вобля! Здравствуй, родная,
мы вместе опять.

На ботинках блестит гуталинная грязь,
Я пришёл бурлаком,
с притяженьем борясь,
Не взлететь в серой были
в туманную тишь.
Я молчу. Вобля, ты завсегда
не смолчишь.

Врут красиво чинуши,
свистят торгаши,
И плюют на тебя чистоплюю, ханжи...
Но останешься зеркальцем
светлым река:
Глядь — а их уже нет... Вобля, ты —
на века!

Не из лучших и я, поистрёпанный весь,
Словно туча, смурной,
пью горючую смесь...
У забора малинишным
детством сгорю,
Над забористой Воблей
тогда воспарю...

* Вобля — река в г. Луховицы,
Московская область

ПОД НЕБОМ КАШИРЫ

Под небом Каширы
Мы всё ещё живы,
Дымит легендарная ГРЭС...
В году сорок первом

Коварных и гневных
Никто не забудет небес.

Ноябрь трескучий,
И тёмные тучи
Под небом и там, над землёй.
Лютует Люфтваффе,
Его ясен график,
И бомбы — одна за одной.

Держать оборону
Майору Смирнову
И дивизиону ОЗАД*,
А также ИАПам.
Ребята, девчата
Сражались. Ни шагу назад.

ГРЭС, мост сохранили,
Отчаянно бились
И гибли за мир до небес...
Мы помним. Мы живы.
Но жаль, что в Кашире
Без войн уничтожена ГРЭС.

* 352-й отдельный
зенитно-артиллерийский дивизион,
командовал которым
майор А.П. Смирнов
** истребители 445-го
и часть самолётов 178-го
истребительных авиационных полков

КАШИРЕ

Давным-давно, как чудо из чудес,
Среди колоколов и перезвонов
Возникла, возвышаясь до небес,
Живая и таинственная зона.

И не один уже десяток лет
Я окружён волшебными холмами,
Простой дороги к этим склонам нет —
В мой город исполнения желаний.

Не зная троп, тут можно и пропасть:
Безмолвия стать жертвой
иль ненастья.

Я привожу людей сюда подчас,
Когда они теряют веру в счастье.

Бывает страшно — стража начеку...
Но верьте мне, ведь я бывалый сталкер:
Кто попадёт в мой город на веку —
Счастливым, несомненно,
скоро станет!

Неистов неземной край за рекой,
Дракон, приваженный Победоносцем.
Но раз ты здесь, иди вперёд, не стой!
Пройдёшь — и сердце
засияет Солнцем!

КАШИРСКИЙ ГЕРБ

Ты, брат Казанского дракона,
Не совершая злой набег,
В Поочье прилетел, покорный,
На правый брег, в Каширский герб.

Среди летающих рептилий
Ты под Москвой такой один:
Других давно копьём сразили —
Дракон в Кашире невредим!

Но замер, обмельчал, голуба,
Кто виноват теперь, кто прав,
Что с клювом ты совсем беззубый,
Что пресмыкающийся нрав,

Что птичкой кличут, не драконом,
Скрутили хвост в бараний рог,
Как будто и не коронован,
Как будто ты не зверь — зверёк...

Фашизма не прошла гиена,
Ты стал незримою стеной,
Тебе быть твёрдо на арене
Российских грандов суждено.

И пламень твой не потушили,
Могучий, доблестный Дракон!
Раскошегарь свою Каширу,
В сердцах людей зажги огонь!

Роман КОТОВ

Родился в городе Ожерелье. Окончил железнодорожный колледж по специальности «Техник-электромеханик тягового подвижного состава» и Московский институт коммунального хозяйства и строительства (ВЗИСИ) по специальности «Промышленное и гражданское строительство». Работал слесарем в локомотивном депо, помощником машиниста электропоезда. Последние 10 лет работает в АО «НИЦ АЭС» — испытательной лаборатории Концерна «Росэнергоатом».

Стихи начал писать в 15 лет. Занимался журналистикой, писал статьи на исторические и краеведческие темы. В 40 лет начал писать прозу.

«О ЛЮБВИ НА ТЕТРАДНЫХ ЛИСТАХ...»

ВЕТОЧКА

Время годы стирает из памяти,
И всё дальше уходят от нас
Перемены, уроки, экзамены.
Наша юность. Десятый класс.
Осень. Школа. Тетради в клеточку,
А по клеточкам почерк косой.
Ты была для меня просто Веточкой:
Хрупкой девочкой с русой косой.
Мы учились с этой девчонкою,
И не мог принимать я всерьёз
Её девичьи руки тонкие,
Словно веточки белых берёз.
Не умела ты врать и заискивать,
Но отбросив свой девичий страх,
На уроках писала записки мне,
О любви на тетрадных листах.
Ты клала их как будто нечаянно,
Я в портфеле их находил.
Ты любила меня отчаянно,
Изо всех своих маленьких сил.
А потом всё случилось по классике:
Надо мной засмеялись друзья,
И узнали все одноклассники:
Я решил, что так дальше нельзя.
Я сказал, чтоб она успокоилась,
Что не нужно нам этой любви,
Что несчастный финал в нашей повести,
И добавил в конце: «Не реви»
Всё сказал я открыто и правильно,
Всё, как в книжках, но в жизни не так:
Кулачками меня ты ударила,
Мне в лицо прокричала: «Дурак!»
А из глаз слёзы горькие брызнули,

Ты ушла, чтоб когда-то потом,
Эта боль зародилась и вызрела,
Чтоб я понял, что был дураком.
Та записка: листочек в клеточку.
Вот я снова гляжу на неё.
Для меня ты останешься Веточкой.
Я не вспомню имя твоё.

РАССВЕТ

Мой тихий домик на горе Псильрахи
Опять застыл в преддверии рассвета.
Я слышу, как снуют по кровле птахи.
На море штиль, а в Балаклаве — лето.

Не слышно даже капель в водосточе:
Такая тишина сейчас повисла.
Всё, взгляд остановив свой на Востоке,
Ждёт появленье солнечного диска.

Осветит солнце винограда кисти
И кипарисы стройные откроет,
Согреет камни, а потом повиснет
Над Инкерманом и Сапун-горою.

Проснётся бриз, и будет утро длинным.
И свет польётся с высоты потоком,
Пока жара не спустится в долину,
Наполнив Балаклаву липким соком.

Так не спеша песок струится лета,
Опять роса стекает с винограда,
Вновь тишина в преддверии рассвета —
Так надо.

Наталья НИКОЛАЕВА

Родилась 11 марта 1955 г. в Омской области, в селе Семёновке. С детства любит природу, книги, классическую музыку. Стихи тоже пишет с детства. Образование техническое: начинала свой трудовой путь с электро-монтёра АТС, а закончила — инженером проводной связи и телекоммуникаций Госфильмофонда России. Сертифицированный преподаватель Йога-Нидры, звукотерапевт. Живёт в Кашире с 2003 г.

«КОГДА НИСХОДИТ ВДОХНОВЕНЬЕ...»

О! НАТАЛИ!

Я для тебя была звездой,
Горящей в сумрачной дали.
Ты позволял себе со мною
Лишь взгляд, лишь стон «О! Натали!»

Звезда доступна только взгляду,
И ты смотрел, а годы шли.
Я принимала как награду
Твой взгляд, твой стон «О! Натали!»

В плену немого обожанья
Что мы сказать тогда могли?
Я не услышала признанья...
А взгляд? А стон «О! Натали!»?

Тонули улицы в сирени,
Но не для нас они цвели.
Стояли между нами тени,
Да взгляд, да стон «О! Натали!»

Любови разные бывают.
А мы, как в море корабли...
И как из моря выплывают
Твой взгляд, твой стон «О! Натали!»

ОСЕНЬ НА ИРТЫШЕ

Поздних вод густая просинь,
Красота, покой и осень,
Под ногою листьев шорох,
Зорь румяных краткий всполох.
Георгины, астры, флоксы,
Золотых березок косы.
Тишина к душе нисходит:
По тропинкам осень бродит...

УТРО

Ко мне приходит новый день
С глотком воды, с улыбкой новой.
Ночных видений тает тень,
И я принять его готова.

Едва алеют небеса,
Спит город в зыбкости рассвета.
И так реальны чудеса!
Спасибо Господу за это!

За радость жизни и покой,
За ощущение полёта,
За то, что главное — со мной,
За то, что встречи ищет кто-то.

***

Когда нисходит вдохновенье
И просыпается душа
Ловлю слова — слова-виденья
На острие карандаша.

Бумаги лист скорей под руку,
Ведь краткий миг не повторить.
И постигаю я науку
Принять, услышать, сохранить.

И те слова, что дарит Небо
Ложатся в ровную строку.
А что успеть, что сделать мне бы
Решает Кто-то наверху.

***

Сияя снегом и маня,
Мои вершины ждут меня.
И я иду.

В ночной тиши, в заботах дня
Моя мечта зовёт меня.
И я иду.

Мой путь не скор, мой путь далёк,
Но каждый день — вперёд шажок.
И я иду.

Не знаю, кто ещё просил,
Как я прошу: «Дай Боже сил!»
Ведь я иду!